
ТЕОРЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Л.С.Клейн

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ: ПОДХОДЫ И КРИТЕРИИ

L.S.Klejn. Archaeological Periodisation: Approaches and Criteria

Thomsen's Three Ages scheme (Stone, Bronze and Iron Ages) was a classification based on artefacts association in assemblages and on the idea of technological progress. In the modern archaeological periodisation this threepartite scheme practically is absent. It is replaced by a much more developed scheme of minimally six ages (Palaeolithic, Mesolithic, Neolithic, Aeneolithic, Bronze and Iron Age). Thomsen did not consider his scheme as a periodisation. Montelius did not distinguish periodisation from relative chronology. Yet periodisation is foremost a kind of classification, while in chronology the main thing is dating. Periodisation divides material issuing from cultural similarity, while chronology from relations in time. In this work difficulties of periodisation are considered. This is the problem of self-dependency of archaeology as a basis of periodisation (impact of palaeontological and other naturalist criteria). This are also problems with technological criterion (how many subdivisions, which objects used as the basis etc.): standard pattern, exactness and absoluteness of this criterion are questioned. Further it is disputable if the scheme represents a global periodisation or it would be better to work out local schemes. It is disputable too, to qualify this scheme as total cultural periodisation or narrowly technological. The crisis of the system was produced by the fact the phenomena belonging to the development of tool technology are connected with certain phenomena from other spheres of culture not so rigidly as they seemed to. This was shown by the discoveries of the ceramicless Neolithic or of Neolithic without productive economy etc. The Americans in general have elaborated the scheme of archaeological periodisation based on the development of other spheres of culture, without basing on tools. Some scholars consider archaeological periodisation in general as a conventional scheme not reflecting the reality. The seat of the trouble is probably in that many archaeologists unconsciously believe that only one periodisation is possible in archaeology. However archaeological material is polisemic and has many aspects. In culture there are various spheres governed by their autonomous laws, each sphere being able to have its own periodisation. Among them the technological one retains an important significance + according to the role of technology in culture and in connection with the specificity of archaeology.

I. Основа периодизации

1. «Система трех веков». Более полутора веков отделяет нас от того момента, когда датчанин Кристиан Томсен распределил коллекции Копенгагенского музея соответственно старой идее о «трех веках» — каменном, бронзовом и железном. Этот момент был столь важной вехой в истории археологического знания, что одни археологи ведут с него всю историю археологической науки (Самоквасов 1892: II; Eggers 1959: 10-11), а другие, по крайней мере, рассматривают его как начало «датского» или «скандинавского археологического переворота» в этой науке, изменившего ход ее истории (Daniel 1950: 50-56; Амальрик, Монгайт 1966: 37-40).

В оценке исторической значимости «системы трех веков» как будто особых разногласий нет. Иначе обстоит дело с оценкой ее истонного смысла и значения в структуре современной науки.

Есть много статей, посвященных специально этой системе, ее возникновению, исследовательским методам Томсена и его научной среде. Первыми авторами таких статей были знаменитые эволюционисты Ганс Гильдебранд и

Оскар Монтелиус, и поток этих статей не иссякает (Hildebrand 1872; 1886; 1887; Montelius 1905; Уваров 1910; Weibull 1923; Stelmachowska 1925; Seger 1930; Hermansen 1934; Böhm 1937; Hildebrand 1937-38; Rickard 1937; 1944; Petersen 1938; Daniel 1943; 1976; Heizer 1962; Klejn 1972; Cioâek 1975; Gräslund 1981; Rodden 1981; Böhner 1981; Rowley-Conwy 1984; Захарук 1988). Вопрос о том, как возникла эта система, действительно очень любопытен. Он показателен — характеризует суть археологической периодизации вообще.

Автор наиболее детального исследования этого вопроса Бо Грезлунд (Gräslund 1974: 97-112; 1987: 17-30) показал ошибочность ходячих представлений, что Томсен просто оформил в музейном материале старую идею о трех веках — каменном, бронзовом и железном, выражавшую в это время представления о технологическом прогрессе человечества (примеры этих представлений приведены у Даниела — см. Daniel 1975: 43). Томсен знал эту идею, восходящую к античности и знакомую датским историкам и антиквариям — она применена у Зума,

Симонсена и Торлациуса (Trigger 1989: 60-61). Знал, но не использовал. Ни разу он не упомянул ее в своих трудах. Он был эмпириком до мозга костей и исходил только из самого материала, а объяснять наблюдаемые факты не считал своей задачей.

Не была его работа и простым распределением вещей по материалу, как иногда считают. Похоже, совершенно не понял сути его достижений Карл Маркс, который в своем «Капитале» писал: «Как ни мало историческая наука знает до сих пор развитие материального производства, следовательно, основу всей общественной истории, а потому и всей действительной истории, однако, по крайней мере, доисторические времена делятся на периоды на основании естественно-научных, а не так называемых исторических изысканий, по материалу орудий и оружия: каменный век, бронзовый век, железный век» (Маркс 1960: 191, прим. 5а). Да нет же, рассортировав вещи по материалу, мы не получили бы периодизации: ведь каждый новый материал не отменяет употребляемых до того. «Естественно-научные» определения ни при чем. Томсен не был так прост.

Его цель была рационально расположить вещи в экспозиции. Он был первым из антиквариев, кто придал решающее значение *сочетанности вещей в древних комплексах* (погребениях, кладках) и сведениям об *условиях обнаружения* этих вещей. Возможно, что на эту блестящую идею его натолкнули бытовавшие в Центральной и Северной Европе романтические гердеровские представления о «народном духе», на основе которого должно было формироваться единство всех проявлений культуры каждого народа. Сортируя вещи, Томсен, видимо, искал проявления этого единства в комплексах, схожих по набору вещей и устройству. Как видим, это совсем не «естественно-научные изыскания».

Так или иначе, Томсен подметил, что, хотя бронзовые вещи встречаются в одних и тех же комплексах с железными (оно ведь и в современной ему культуре так), это касается не всех вещей. Бронзовые вещи с режущим лезвием не встречаются вместе с железными вещами такого рода. То есть не встречаются вместе бронзовые и железные орудия (или оружие). И там, где они из бронзы, — украшения одного облика, а там, где из железа, — украшения, бронзовые же или медные, другого облика. И устройство могил иное. Аналогичные соотношения — между обоими этими видами комплексов и теми, где металлических изделий нет совсем, а есть только каменные, костяные, глиняные. Так что, классифицируя вещи, он старался классифицировать комплексы.

К этим наблюдениям он пришел еще в начале своей работы в музее — на рубеже 20-х годов XIX века, но до 1836 г. не публиковал свои наблюдения в печати, умножая материал для

надежности. Тем временем его выставка воздействовала на умы коллег, и опыт Томсена распространялся на другие музеи Скандинавии.

Таким образом, свершение Томсена было по происхождению классификацией (в широком смысле, т. е. группированием) музейного материала на основе комбинаторных наблюдений над вещами из коллекций с учетом их происхождения из раскопанных комплексов.

Но был ли результат преобразований Томсена только классификацией или в нем изначально были заложены и другие функции — хронологические, культурно-эволюционные? С убедительными ссылками на самого Томсена Грезлунд показывает, что Томсен с самого начала придавал своей схеме не только классификационное, но и хронологическое значение. Для него это была с самого начала не только классификация, но и хронология (мы бы сейчас сказали: относительная хронология). Три периода, три «века», три времени (под этими терминами его подразделения вошли в языки Европы), следующие один за другим. В немногих комплексах со смесью черт Томсен видел переходные звенья.

Но вопреки Грезлунду, Томсеновский анализ смешанных комплексов не является убедительным доказательством хронологического характера схемы. В принципе комплексы со смесью черт могут быть результатом взаимодействия не разных периодов, а разных народов или социальных слоев. У Томсена великолепно доказана разбивка материала на три замкнутых группы, но доказательств того, что это периоды, у него нет. Классификация была Томсеном доказана, а хронология оставалась у него гипотезой. Доказательства хронологического значения схемы Томсена получены только в середине века — это стратиграфические наблюдения его ученика Ворсе в болотах и курганах Дании и стратиграфия свайных поселений, раскопанных швейцарскими учеными.

Я уж не говорю о том, что даже гипотетическая схема периодов была не во всем относительной хронологией, а лишь в общих очертаниях. Всё-таки это была именно периодизация: друг за другом следовали не вещи, а только периоды, внутри которых вещи принимались условно за одновременные.

Принимая, что схема Томсена была хронологией, Грезлунд решительно отвергает мысль о том, что эта схема была также «эволюционной моделью», в частности, «технологической моделью» эволюции культуры. Ну, для *эволюционизма* было еще попросту слишком рано, но если иметь в виду *прогрессистское* построение истории культуры (речь скорее может идти об этой концептуальной идее), то я бы не стал решать вопрос так однозначно.

Да, сам Томсен избегал высказываться в этом духе, но он знал, что идея восхождения по таким ступеням существует, называл ее в пере-

писке «старой идеей» (Seger 1930: 4, 6), не опровергал ее, пользовался ее терминологией и, возможно, не разрабатывал ее просто потому, что строить концепции было вообще не в его духе. А возможно, еще и потому, что она была для него чем-то само собой разумеющимся. Ведь это было время Кювье и Ламарка. Век Просвещения, утвердивший идеи прогресса, был уже за плечами. Датские историки и антиквари и помимо Томсена называли эти три века... Когда публика шествовала по залам Национального музея в Копенгагене, она не думала о рациональной группировке древностей, а прослеживала воочию прогресс в культуре от каменного века через бронзовый к железному. И это вряд ли ускользало от внимания Томсена.

Современница Томсена, оставившая дневниковые записи о посещении ею музея Томсена, отметила, что Томсен сначала давал посетителю «идею этой коллекции» и что коллекция эта «так упорядочена, что, показывая ее, он дает вам почти регулярный исторический курс прогресса мастерства». И далее она кратко пересказывает этот курс (Rowley-Conwy 1984: 130-131).

Наконец, представление о том, что это прогресс прежде всего в технологии изготовления орудий и оружия, берет начало от самого Томсена. Он, конечно, отдавал себе отчет в технологических преимуществах металла перед камнем и железа перед бронзой в изготовлении орудий. Что в центре его внимания были именно орудия и оружие, подчеркивается его ограничением различий изделиями с режущим краем. Так что и «технологическая модель» была налицо.

В системе доказательств Томсена все эти аспекты отсутствовали или присутствовали лишь подспудно. Но в использовании результатов они, видимо, были. Два первых аспекта, классификационный и хронологический, являлись необходимыми свойствами периодизации — так сказать, по определению. Аспект культурно-исторический, по своему смыслу — векторный, для нее не обязателен, но может в ней быть.

2. Эволюция схемы Томсена. Неиссякающий поток статей о «системе трех веков» объясняется явно тем, что она сохраняет свое значение и в современной науке. Разумеется, речь идет не о шкале Лукреция — Томсена в ее первоначальном виде, не о простенькой схемке «трех веков». Речь о гораздо более сложной и разветвленной системе, в которой от первоначальной схемы сохранилась лишь идея, и то взятая лишь в очень общем виде, да сбереглись кое-какие термины, но не осталось ни трехчастного деления, ни чистоты исходного принципа — деления по материалу орудий с режущим краем. Кажется, Даниел (Daniel 1943; 1966: 19) первым заметил, что трехчленная схема Томсена, в сущности, вообще не существует в со-

временной науке, что вместо нее мы пользуемся ее разветвленной модификацией, состоящей минимум из 6 веков.

Сначала Леббок (Lubbock 1865) разделил «каменный век» на палеолит и неолит. Вскоре ирландец Уэстроп вставил между ними мезолит — в 1866 г. в лекции, а через несколько лет — в книге (Westropp 1872; Gräslund 1987: 38). Во всех этих случаях деление было проведено уже не по материалу, из которого изготавливались главные орудия, а по ведущим приемам обработки. Затем археолог Пульский (книга 1876 г.) и химик Бертоло (1889) нашли, что в ряде районов бронзовому веку предшествует период применения чистой меди, без искусственной присадки олова, — «медный век». А итальянцами и англичанами были придуманы для этого периода дополнительные термины — «энеолит» и «халколит», подчеркивающие другой оттенок понятия: сохранение важной роли каменных орудий наряду с медными (Daniel 1950: 146-147; Селимханов 1966; Черных 1965: 109-110).

Действительно, изучение палеолита и мезолита давно уже выделилось в самостоятельную отрасль археологии, которая противостоит остальной первобытной археологии и другим отраслям (античной или классической, средневековой, восточной, американской) и резко отличается от них по методам исследования, по составу профессиональной подготовки и по связям с другими науками. Никто сейчас не сопоставляет с бронзовым веком или энеолитом «каменный век» в целом. Это понятие стало столь же чрезмерно общим для конкретных исследований, как «век металла». По нашим современным представлениям, «энеолит» и «бронзовый век» приходят на смену не «каменному веку», а «неолиту» — вот равные по рангу деления на шкале археологической периодизации.

Палеолит подвергся дальнейшему делению. В 1869 г. Мортилье разделил его на четыре эпохи — мустье, солютре, ориньяк, мадлен. Позже он и другие археологи открывали всё новые деления в материале, которые одними рассматривались как эпохи, а другими — как локальные культуры: до-шелль, шелль, клэктон, ашель, леваллуа, мустье, ориньяк, солютре, мадлен и т.д. Но не подлежит сомнению во всяком случае, что их последовательность в *общем* все же отражает прогресс в приемах обработки кремня. Такие же прогрессивные стадии были намечены в мезолите и — хоть и с меньшей степенью всеобщности и четкости — в неолите. Выделялись стадии прогрессивного развития техники и для времени ранней металлургии — *modes* Чайлда и др. (Childe 1944; Forbes 1950: 9-10). А Гильдебранд в 1873-1874 гг. сделал общеевропейскими хронологическими стандартами два памятника железного века: гальштат и латен. Тем самым он ввел для железного века такие же эпохи-культуры, как Мортилье для палеолита.

3. Хронология и периодизация. Приводившиеся выше (во втором разделе первой главы первой части книги) цитаты об абсолютной и относительной хронологии из классической работы Монтелиуса 1903 года не единственное и не первое его употребление этих терминов.

В 1883 г. вышла его статья «О преисторических периодах в Скандинавии». В ней (Montelius 1893: 3) он указывает, что «относительная хронология дает представление о том, как различать периоды в нашем языческом прошлом, а также какие типы принадлежат каждому периоду». Он поясняет, что речь идет только о том, раньше или позже один период, чем другой. Абсолютная же хронология датирует эти периоды столетиями до или после Р.Хр. В следующем году появилась его первая сугубо теоретическая работа «Метод преисторических исследований и материал» (Montelius 1884). В ней также дается трактовка относительной и абсолютной хронологии, оперирующей не индивидуальными артефактами или памятниками, а периодами. Еще два года спустя в работе «Хронология железного века» (Montelius 1896) Монтелиус снова трактует относительную хронологию как нарезающую следующие друг за другом периоды, абсолютную же — как определяющую, «какой век или какие века до или после Р.Хр. каждый период охватывает». Та же трактовка повторяется и позже — как в работах до известной книги 1903 года (например, Montelius 1900: 114), так и после нее (Montelius 1912: 2).

Словом, Монтелиус, видимо, *не отличал относительную хронологию от периодизации*. Это было естественно как в исторической перспективе, так и с точки зрения практики.

Историческим предшественником и прототипом эволюционной типологии Монтелиуса была «система трех веков» Кр. Томсена. Нововведения Монтелиуса покоятся на ее достижениях. Мы воспринимаем «систему трех веков» как первую археологическую периодизацию, но сам Томсен рассматривал свою систему исключительно как группировку музейного материала и средство установления хронологии. Технологический критерий использовался, но, по крайней мере, в публикации, система не была для Томсена какой-либо моделью развития — в своем «Руководстве» он ни разу не пытается объяснить смену периодов, он только констатирует факты (Gräslund 1987: 28).

Практика исследований также толкала Монтелиуса на смешение понятий: его собственные схемы исполняли обе функции — Монтелиевские периоды, скажем, неолита (M I, M II и т.д.) были схемой периодизации (деление на периоды), даже эволюционной периодизацией (модель развития), и в то же время это было средство установления относительной хронологии.

В общей истории культуры, охватывавшей и первобытную, периодизация выделилась в самостоятельную задачу еще в XIX веке. Схемы

Свена Нильсона и Льюиса Моргана, делившие историю культуры на ступени (у Моргана — дикость, варварство и цивилизация), были схемами периодизации преистории. В археологии же четкое отделение периодизации от хронологии произошло лишь с внедрением марксизма, преимущественно в советской археологии. Поскольку на Маркса и Энгельса произвела впечатлительное общекультурная периодизация Моргана, построенная на эволюционном стержне и принятая в этнографии, схема эта стала стандартом марксистского подхода к первобытности, и марксистски мыслящие археологи старались синхронизировать ее со «схемой трех веков», построенной на технологическом критерии. Последняя при этом, естественно, обрела статус периодизации тоже. Как таковая она и представлена в учебнике В.И.Равдоникаса (1939).

При этом, однако, встал вопрос о ее отношении с хронологией. Вопрос этот решался неоднозначно.

В ранние годы советской археологии было выдвинуто положение, что «время существования конкретных обществ, находящихся на той или иной ступени развития, не может быть... исчислено в одинаковых абсолютных хронологических датах». Распределение событий по социально-экономическим формациям было просто-напросто отождествлено с относительной хронологией: оно «является датировкою по относительной хронологии, требующей выявления реальной сущности исторического процесса». И оценка: «Относительная хронология дает больше для определения общественных форм, чем абсолютная хронология» (Худяков 1932: 22).

Это утверждение было отвергнуто другими советскими учеными тех лет (Шмидт 1933; Арциховский 1933). Один из них пояснял, что хотя стадильная периодизация и «важнее датировки, но называть ее относительной хронологией ни к чему». Он повторял по-старинке, что «Определение относительного возраста комплексов есть и будет предварительным и необходимым условием определения их абсолютного возраста» (Арциховский 1933: 25). Примечательно, что «стадийная периодизация важнее!» Всё-таки периодизация — это ведь если не просто относительная хронология собственной персоной — как тождественное понятие (хотя у Монтелиуса, как мы видели, нечто в этом духе), то, во всяком случае, разновидность представления о времени, близкая к относительной хронологии. Это один и тот же качественный, не количественный подход ко времени.

Худяков не видел различия. Арциховский не замечал связи этих понятий, увиденной Худяковым. То и другое — упрощения. Однако в обоих подходах — и в Худяковском выдвигении на первый план синкретично понимаемой относительной хронологии, и в согласии Арциховского с превосходством «стадийной периодизации» — проглядывало новое отношение к проблемам

социального времени в археологии.

Отождествление относительной хронологии с периодизацией можно встретить в отечественной археологии и сейчас. Так, Колпаков и Вишняцкий (1991: 5-7) считают, что вообще «относительная хронология, построенная с помощью типологического метода Монтелиуса или сериации, является по своей сути периодизацией». Это сомнительное утверждение: сам же Колпаков (и там же) пишет, что «Периодизация может работать как относительная хронология, но не наоборот». М.В.Аникович (1993: 36) пишет: «В хронологии исторические факты проецируются на внешнюю по отношению к ним временную шкалу, в идеале — на астрономическое время, увязанное с современным летоисчислением. В периодизации на первый план выступает собственно историческое время, выражающее качественные различия исторического процесса в ходе его движения». Но периодизация трактуется временную последовательность событий без отрыва от содержательной стороны исторического процесса и соответственно размещает цезуры, а относительная хронология абстрагируется от этой стороны процесса, отделяя от содержания чистые последовательности, как бы хронологическую форму.

Периодизация — это прежде всего разновидность классификации (Stoltman 1978: 704; Вишняцкий, Колпаков 1991: 5-7), хотя классифицируются объекты на основе их хронологической позиции. Хронология здесь выступает лишь как самый общий, первичный критерий классификации. Ведь все объекты, относимые к одному периоду (как и к одному хронологическому горизонту) получают одну и ту же хронологическую характеристику, скажем, V — VIII вв. или первая половина X в. Они уравниваются по этой характеристике. Формальные различия между ними игнорируются, подчеркиваются формальные сходства. «Периоды — это синхронические конструкты, в которых события и условия, оказывающиеся внутри периода, считаются аналитически одновременными» (Smith 1992: 27). Эта геологическая традиция «понимать периоды времени как если бы они были в основном однородны с точки зрения их формальных характеристик» была введена в археологию Г.Мортилье (Stoltman 1978: 704), как и манера именовать периоды по первому типичному местонахождению (такое называют «эпонимным»).

Различие между *периодом* и *хронологическим горизонтом* состоит в том, что датировка периода — заведомо протяженная, т. е. предполагается отрезок времени, интервал, тогда как датировка хронологического горизонта — одномоментная. Памятники, относимые к нему, могут иметь разброс во времени, т. е. реально охватывать всё-таки какой-то (сравнительно короткий) период, да и определенность датировки может быть размытой — может колебаться и обозначаться в этом смысле как некий диапа-

зон. Но всё же в идеале предполагается, что горизонт концентрируется вокруг некой точечной даты — он проходит, по крайней мере, в определенной местности как горизонтальная линия на таблице.

Гордон Чайлд в небольшой статье «Археологические века как технологические стадии» (Childe 1944) усилил эволюционное и периодизационное звучание модифицированной томсеновской схемы, подчеркнув технологический критерий в ее основе. Но эволюционный и вообще историко-концептуальный аспект характеризует не всякую периодизацию.

Опираясь на философские разработки В.С.Добрянова (1968) касательно исторического познания, Николова предложила различать и в археологии внешнюю и внутреннюю хронологию. Под внешней хронологией понимается простое эмпирическое установление последовательности событий или памятников, а под внутренней — выявление генетических связей, причинности событий, их сути, места в общей линии развития. Внешняя — это собственно хронология, ее время — календарное. Внутренняя — это периодизация, ее время — социально-историческое. Календарное время непрерывно и ритмично, а историческое время — прерывисто и аритмично, поэтому в нем и выделяются периоды. Ближе всего к идеальным периодам — социально-экономические формации. Разумеется, сначала делается хронология, потом — периодизация (Николова 1990).

Конечно, если исходить из эмпиричности хронологии и теоретичности периодизации, тогда вроде бы всё так. Но по опыту мы знаем, что всё обстоит как раз наоборот: периодизация обычно служит подготовительным этапом к установлению хронологии. Сначала древности Европы сгруппированы по трем «векам», потом установлена их относительная хронология, после чего — абсолютная. А уж потом уточняются снова устои периодизации. Телегин упрекнул Николову в чрезмерной абстрактности (Телегин 1993). Беда не только в этом, но и в том, что неверны основы распределения понятий. Еще в начале 50-х Я.Бём отмечал в периодизации две стороны: 1) систематизацию артефактов и 2) выявление направленности и этапов развития. Первую он считал собственно археологической, вторую — ближе к истории (Böhm 1953). Как мы видели на примере истории с тремя веками, в процедуре исследований проявляются обе стороны периодизации — как тенденции: вначале — одна, под конец — другая. Первая, упорядочение, может и не задаваться другими целями, они возникают благодаря возможности использовать те же формы для удовлетворения других интересов.

Не только Николова пыталась свести периодизацию к одному из ее аспектов.

С различием двух видов темпоральных объединений выступил Рауи (Rowe 1962). Он

предложил отличать «стадии» от «периодов». И те, и другие представляют собой совокупности археологических объектов, последовательно сменявшие друг друга. Но принципы формирования этих общностей разные. Стадии — это общности, основанные на культурном сходстве («единицы сходства»), а периоды — исключительно на близости во времени («единицы времени»). Мысля в этом же ключе, Столтмен трактует стадии как «единицы формы», а периоды — как «единицы времени» (Stoltman 1978: 704). Странное различие: обе «единицы» охватывают некое время и обе выделяются по формам.

Нетрудно заметить, что «стадии» Рауи — это единицы периодизации. А «периоды»? По Рауи, это единицы хронологии. О какой же хронологии здесь речь? Рауи недвусмысленно поясняет, что об относительной: «Идея использовать периоды относительного времени вместо стадий, конструируя сетку для археологической интерпретации, не нова в археологии, но она имела ограниченное применение» (Rowe 1962: 44). Как пример он приводит «серию нумерованных периодов» Флиндерса Питри, которые тот именовал «последовательными датами» (sequence dates).

Между тем в обоих случаях, и со «стадиями», и с «периодами», сформированы общности памятников, принимаемых за одновременные, и в обоих случаях устанавливается последовательность этих общностей, так что в обоих случаях налицо нарезание периодов в материале, то есть периодизация. Но в первом случае (когда у Рауи речь идет о «стадиях») хронологические отношения устанавливаются на основании культурных сходств и различий, т. е. исходя из ступени в культурной эволюции, в культурном процессе, а это соответствует (хотя и не идентично) относительной хронологии. Во втором же случае (когда у Рауи идет речь о «периодах») хронологические отношения устанавливаются без учета культурных характеристик, на основе одной лишь позиции во времени. Конечно, можно и это установить методами относительной хронологии — когда речь идет об одном месте, об одной хронологической колонке. Но как только периодизация выходит за узко локальные пределы, не обойтись без синхронизации, без абсолютной хронологической шкалы. Стало быть, эта периодизация больше соответствует абсолютной хронологии (хотя и не идентична ей).

Таким образом, соответственно двум видам датировки мы имеем два вида периодизации, а значит, термин «период» лучше оставить общим обозначением единиц периодизации. Там, где Рауи говорит о «стадиях», обычно применяют также слова «фаза», «этап», «ступень». Такое деление Нарр, а за ним Штрам называют «*фазаеологическим*» (Narr 1957: 5-6; Strahm 1988: 177-178). Там, где Рауи говорит о «периодах»,

обычно применяют слово «эпоха», иногда также «время», «пора», хотя «археологическая эпоха» в палеолите по традиционной терминологии (см. Григорьев 1988; Аникович 1992) — это нечто совпадающее со ступенью, а не «временем». В истории термин «эпоха» явно противостоит «лестничной» ступени, и это отвлеченное от целенаправленности понимание отразилось в трактовке Ленина (1962: 86-87): «Эпоха потому и называется эпохой, что она обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам». Такой вид периодизационного деления можно назвать *хрономатическим*.

Принцип образования «периодов» первого рода («стадий», «фаз» и т.п.) Г.Мюллер-Карпе (Müller-Karpe 1968: V-VII) называет *изофеноменологическим* (поскольку объединяются явления с одинаковыми культурными характеристиками, феномены одного культурного уровня — *синстадиальные*), принцип образования «периодов» второго рода («эпох») — *изохронологическим* (поскольку объединяются памятники с одинаковой датировкой, одновозрастные — «синхронные»). Рауи справедливо замечает, что для небольших ареалов «стадии» совпадают с «периодами» (т.е. «эпохами»). Иными словами, различие выступает на обширных территориях — там, где важна синхронизация. Мюллер-Карпе решал как раз такие проблемы. Если, скажем, бронзовый век Европы рассматривать *изохронологически* (скажем, как период II тыс. до н.э.), то он начинается на всей территории Европы одновременно — на синхронистических таблицах это будет выражено горизонтальной прямой. Если же рассматривать его *изофеноменологически* (то есть в данном случае — как время, когда вошло в обиход применение бронзы), то в разных районах Европы он начнется в разное время — на юге раньше, на севере позже, а на синхронистических таблицах его начало будет отмечено ступенчатой линией.

Рауи, как и Мюллер-Карпе, предпочитает *изохронологический* подход. Что ж, он удобнее для тех, кто придает особое значение культурным контактам, древней торговле и т.п., но имеет свои недостатки, в частности, при обобщении развития культуры на больших территориях, при прослеживании эволюции, прогресса. Те, чей интерес лежит в этой сфере, предпочитают *изофеноменологический* подход. И уж во всяком случае, нельзя смешивать эти два подхода, пытаясь совместить их функции, нельзя считать, что есть только один подход, подставляя на эту обобщающую роль тот или другой из двух. Делая выбор, нужно четко представлять себе, какая преследуется цель, что будет достигнуто, а чем придется поступиться и оправдана ли жертва (Клейн 1972).

II. Проблемы периодизации

1. Проблема самостоятельности. С самого начала над схемой «трех веков», использовавшейся технологический критерий как вещественный и развернутый во времени, то есть чисто археологический, нависала авторитетность старых схем периодизации развития человечества, не-археологических. Они все время перетягивали основу шкалы на себя, норовя вернуть свое первенство, подчинить себе новую периодизацию, сделать ее своим допустимым дубликатом.

В периодизации палеолита первая разбивка материала во времени, созданная Эдуардом Ларте и дополненная Гарриго, была сугубо палеонтологической. Доисторическое время делилось на палеонтологические века — век гиппопотама, век пещерного медведя, век мамонта и шерстистого носорога, век северного оленя, век зубра и бизона — и по ним надлежало распределять палеолитические стоянки. Распределять, руководствуясь представленной в них фауной, костями животных. Это ставило археологов в полную зависимость от палеонтологической шкалы в каждом районе и от наличия костей среди находок, от полноты этого материала. Между тем сам собой напрашивался вопрос, нет ли в археологическом материале у стоянок каждого века собственных отличительных особенностей, и если есть, то нельзя ли их и сделать основой периодизации. Ведь тогда появилась бы возможность относить стоянки к тому или иному веку, не дожидаясь палеонтологического определения и даже если костей на них вообще не найдено. Эта возможность была использована Габриелем де Мортилье, учеником Ларте.

Поначалу периоды уточненной палеонтологической шкалы были попросту спроецированы на археологический материал и периодизация претерпела мало изменений: век гиппопотама стал шелльской эпохой, век пещерного медведя и мамонта (их объединил еще Ларте) был назван эпохой мустье, век северного оленя разделен на эпохи солютре и мадлен, век зубра и бизона относился уже к неолиту. Однако с самого начала у Мортилье была идея, что материальная культура человека развивалась по собственным законам, что эту логику развития можно уловить, установить ее этапы. Эта эволюционистская идея превращала археологическую схему из простого перевода палеонтологических ярлычков на язык археологии в нечто большее — в самостоятельную периодизацию.

В первой половине XX в. эволюционные идеи переживали кризис. Аббат Анри Брейль и другие ввели между периодами Мортилье новые культуры — клэктон, леваллуа и др., — разбивавшие его логичную эволюционную последовательность. Это лишило схему стано-

вого хребта, и пришлось искать опору вне археологии. Еще больше повернула археологов в эту сторону обнаружившаяся территориальная ограниченность нормативной шкалы Мортилье: в Восточной Европе, Азии и особенно Африке оказались совершенно другие палеолитические культуры и другие линии развития палеолита, с другими особенностями, с другими делениями шкалы. То есть другая шкала! Даже в самой Франции и даже в верхнем палеолите не во всех районах развитие шло по шкале Мортилье (параллельной с ориньяком оказалась культура перигор). Единство оказалось достижимым только через абсолютную хронологию природных процессов. Геологические критерии, включая палеонтологические, опять вышли на первый план (см., напр., Delcourt 1975). Соответственно изменился смысл названий, обозначающих эпохи. Определять их стал не типологический критерий, определяющими стали хронологические данные. Это уже к середине века стало вызывать возражения как на Западе (Cailleux 1951), так и на Востоке.

Не скрывая недоумения, В.Н.Гладилин описывает произошедший сдвиг: «С некоторых пор с легкой руки французских исследователей археологический подход к периодизации палеолита был заменен геохронологическим, или, говоря иначе, естественно-научным. Критерием при отнесении памятников к определенной эпохе стали служить не столько технико-типологические особенности индустрий, сколько временные показатели (данные относительной и абсолютной хронологии). При этом проводятся резкие горизонтальные линии, которые делят эоплейстоцен и плейстоцен на ряд отрезков — геологических эпох. С этими геологическими подразделениями прямо коррелируются выделенные ранее на археологическом материале эпохи палеолита. Схеме этой обычно присущ глобальный характер. Так, комплексы до гюнц-миндельского интергляциала стали относить к олдувайской эпохе, от гюнц-минделя до ресс-вюрма — к ашельской, ресс-вюрмского возраста — к премустье, ранневюрмские — к мустьерской эпохе, более поздние вюрмские, начиная от интерстадиала хенгело-подградем, — к позднему палеолиту».

Когда же обнаружилась несогласованность археологических подразделений с геологической шкалой (поздний палеолит проявляется на геологической шкале очень рано, ашель в Восточной Африке — неимоверно рано и т.п.), таким выбивающимся из предписанных стандартов отрезкам стали давать дополнительные дефиниции с приставками: «прото-», «пре-», «пост-», «эпи-» и др., пишет Гладилин. Ситуация эта представляется ему странной и «парадоксальной» (Гладилин 1989: 16-17; Гладилин,

Ситливый 1990: 16-17).

Однако и среди советских археологов обнаружили те, кто склоняется к французскому подходу. Известный среднеазиатский археолог В.А.Ранов в специальной статье о соотношении периодизации и хронологии признает, что периодизация должна базироваться на «геологической стратификации, абсолютной хронологии, технико-типологических данных, первичном материале (в отдельных случаях) и некоторых других моментах». В идеале, считает он, лучше бы опираться на все эти факторы, но на практике так не получается. «...Вопрос сводится к соотношению геологической стратификации, ...которая, как правило, задается приглашенным на стоянку геологом, и технико-типологической классификацией, на основании которой археолог размещает свои археологические ассамбляжи на шкале археологических эпох». Ранов ставит вопрос ребром: «может ли археология самостоятельно без геологической шкалы создать реальную, соответствующую действительности периодизацию».

Он напоминает о совещании в Москве в 1957 г., обсуждавшем правомочность археологического подхода к периодизации палеолита. Тогда была принята резолюция, что периодизация должна создаваться на основе археологии с учетом геологических данных. То есть большинство признало самостоятельность археологической периодизации. Ранов сообщает, что так он и пытался строить свои выводы. «Тогда мне казалось, что археологический материал сам по себе обладает достаточной разрешающей способностью, достаточной для создания периодизационных схем». Однако попытки построить такую шкалу окончились неудачей: материал не складывался в единую систему, европейская же система слишком далека и чужда, да и сама по себе дискредитирована как стандартная шкала. Всё это привело Ранова «к отрицанию права за археологическим инвентарем быть основой периодизации» (Ранов 1984).

Еще раньше такая же тенденция проявилась по отношению к мезолиту. Он с самого начала плохо укладывался в представления об эволюции и постепенном прогрессе: обедневшая среда, измельчавший инвентарь, исчезнувшее величие палеолитического искусства... Археологи с эволюционными убеждениями поначалу просто не признавали выделения мезолита. Потом Грэхэм Кларк и Гордон Чайлд единодушно подчеркивали чисто хронологическое значение этого понятия (Clark 1932: XIV; Childe 1947; Mellars 1981: 15). И в СССР Черныш (1974) предложил считать мезолит чисто хронологическим понятием.

На совещании в Москве, которое упоминал Ранов, и позже самостоятельность археологической периодизации, как это ни парадоксально, отстаивал геолог В.И.Громов. Он заявил: «...периодизация, как правило, должна включать

данные классификации. Таким образом, периодизация палеолита должна отражать не только простую последовательность в развитии материальной культуры, но и особенности различия культур на каждом отрезке времени... Надежно определение геологического возраста палеолита, конечно, очень важно, однако оно не имеет решающего значения» (Громов 1959). В 1980 г. аналогичную позицию заняли и многие западноевропейские ученые (Г.Бозинский, Д.Роу, А.Тюфро и др.). Во второй половине 80-х эти позиции в СССР отстаивали Гладилин и Ситливый (1986; 1990).

Применительно к неолиту, энеолиту и бронзовому веку роль природной шкалы в конкуренции с чисто археологическими критериями еще очень велика, особенно климатической шкалы Блитта — Сернандера. Не так давно «литторное время», «бореальный», «атлантический» и «суббореальный периоды» просто вытеснили из обихода чисто археологические подразделения. В последнее время эту роль стали выполнять радиоуглеродные даты. По мнению Ричарда Брэдли, для обобщающих исследований, для сравнительной археологии просто необходима радиоуглеродная хронология. Наконец-то в разных регионах будет одна и та же шкала. Даже если даты всё еще с ошибками, то это систематические ошибки — они одинаковые для всех регионов, и это позволяет игнорировать их в сравнениях. «Радиоуглеродное датирование может внести порядок туда, где ныне путаница» (Bradley 1986: 153). «Начало конца», — была озаглавлена рецензия Хардинга и Тэйта на сводки калибровок для радиоуглеродных дат (Harding, Tait 1989). Еще недавно такой энтузиазм был очень распространен, но ныне, кажется, эта тенденция пошла на убыль, стала более умеренной.

Для более поздних эпох роль внеархеологической опоры играют другие виды шкалы. Античная и средневековая отрасли археологии нередко предпочитают опираться на старые шкалы периодизации, построенные на стилиях искусства или сообщениях письменных источников. Примерно одновременно с начальной «системой трех веков», в первой половине XIX века, была разработана промежуточная, полuarхеологическая-полуискусствоведческая, шкала стилей амфорной росписи (краснофигурный, чернофигурный и т.д., с дробными подразделениями). Но многие археологи охотнее использовали всё же такие названия для периодов, как «архаический», «классический», «эллинистический» или «Темные века», «век Перикла», не говоря уже о таких терминах, как «римское время», «время Республики», «время упадка Империи». Соответственно в средневековой археологии применялись свои ярлычки: «время Меровингов», «великокняжеское время» и т.п.

Всё это можно расценивать как издержки ста-

новления, как детские болезни новой системы, постепенно преодолеваемые. Но лучше понять это как указание на некую естественную, внутренне обусловленную, ограниченность самой системы. По самой ее сути, начальные шаги ее классификации однородны и универсальны — в грубом охвате материалы осваивались так везде и в этой именно последовательности. Но разработка вторичных признаков, необходимых для дальнейших шагов классификации, уводит всё дальше от этого единообразия. В каждой местности и в каждой категории материала они свои. Поэтому чем разработаннее периодизация, чем мельче единицы членения, тем меньше возможности соблюсти единство критерия и тем меньше вообще всякого единства, цельности, связности. Поэтому всё время нарастают и трудности с самым техническим критерием, или, как его назвал Нарт (Nart 1957: 6), — *эргологическим* (от названия науки о материалах и технологиях — эргологии).

2. Трудности с техническим критерием.

Развитие техники — сложный процесс, охватывающий параллельное изменение разных сторон техники, разных компонентов техники как системы. Ввиду этого очень быстро возникли споры о технологическом содержании и о границах намеченных периодов. Эти споры не выходили за пределы технической периодизации и не подтачивали ее основ. Это были столкновения внутри системы, связанные с различной оценкой роли разных ее компонентов для всего ее развития. Эти споры касались как стыков между выделенными большими периодами, так и внутреннего деления этих периодов, а объектами спора были то сравнительная важность тех или иных цезур, то выбор сигнализирующих о них деталей.

Применительно к палеолиту шло обсуждение проблемы, следует ли объединять его комплексы в два или три больших подразделения: *нижний* — *средний* — *верхний* или *древний* — *поздний* (ср. Ефименко 1938; Борисковский 1954; Крайнов 1970). Западные археологи в основном остались на позициях тройственного деления (напр., Ropen 1982). Но и на Западе выдвинута концепция, отделяющая часть палеолита под названием *протолита* и объединяющая верхний палеолит с мезолитом в другой этап — *миолит*, или *лептолит*, или *археолит*, характеризуемый прежде всего переходом от отщепы к ножевидной пластине (Menghin 1931; Nart 1957: 6; 1966: 22; Laplace 1966; ср. Daniel 1950: 250). Предлагался и еще один «век» перед палеолитом — Primordial Age («первобытный век») как век дерева, кости и раковин (Rickard 1944; ср. Smolla 1953) с «*остеодонтокератической*» культурой (Dart 1957; ср. Feustel 1969).

Мезолит в некоторых построениях по сути распадался на две — три эпохи, присоединяемые к соседним периодам: эпипалеолит и пре-

и прото-неолит (Кричевский 1940; Воеводский 1950; ср. Формозов 1954; 1970). Можно рассуждать и на тему о том, с чего начинается мезолит — с введения вкладышевой техники (микролиты) или с появления наконечников стрел. Кроме того, ряд археологов сомневается, можно ли трактовать мезолит как стадию в прогрессирующем развитии техники. Прогресс здесь не очевиден, считают они. Кларк прямо пояснял, что выделение этого периода между палеолитом и неолитом «не имеет целью установить эволюционную стадию между ними» (Clark 1932: XIV). Это скорее адаптация к ухудшившимся климатическим и другим природным условиям (Clark 1962; Binford 1968: 317; Zvelebil 1986).

Аналогичный спор о неолите — это прежде всего технологическая постановка классического вопроса о том, с чего начинается неолит и чем он заканчивается (соответственно, с чего начинается век металла, т. е. практически с чего начинается медный и бронзовый век).

Леббок, который ввел понятие неолита, определил «новый каменный век» как время скотоводства и земледелия, керамики, новых приемов обработки камня — сверления, пиления, шлифовки и полирования, — а также новых типов орудий: топора и долота. Но какой из этих признаков является определяющим для того, чтобы можно было констатировать наступление периода? Рационально ли начинать неолит с изобретения новых приемов обработки камня или с приобщения новых пород материала (мягкий камень), с введения новых типов орудий, в частности топора (Schwantes 1925), или надо начинать неолит с этих и нескольких других технических нововведений вместе взятых (ср. Авдусин 1967: 50-52), а каждого из них отдельно недостаточно для констатации наступления неолита?

Где положить конец неолита — на первом же появлении отдельных изделий из меди, пусть даже самородной и обработанной старыми приемами, когда самородок просто оббивали как особый вид камня, или же когда появляются первые украшения из выплавленной меди? Или только тогда, когда медных вещей становится сравнительно много (а точно — сколько?), и когда из меди уже изготавливаются орудия и оружие и она действительно начинает вступать в конкуренцию с кремнем? Или, быть может, еще позже — когда типы медных вещей перестают копировать кремневые изделия? Но в таком случае для халколита (или энеолита, медного века) вовсе не остается места. Так и считают некоторые археологи, предлагающие отказаться от этой ступени (Misra 1965 quot. in Agrawal 1971; Fischer 1974).

Еще сложнее найти грань между медным и бронзовым веком. Нужно ли исходить из особенности, зафиксированной самим термином «медный век», и оканчивать этот период на появлении сплавов? Или рациональнее исходить

из другой особенности этого периода, зафиксированной терминами «энеолит», «халколит», и доводить период до того момента, когда конкуренция металла оканчивается победой металла? Но в этом случае что считать показателями такой победы? Не наступила ли такая победа лишь после (и намного после) распространения бронзы?

В свою очередь, определение начала бронзового века зависит прежде всего от того, что мы будем именовать бронзой — только ли сплав меди с оловом или же всякий сплав на медной основе — с мышьяком, никелем, сурьмой и т.п.. В первом случае, скажем, в наших степях бронзовый век начинается лишь со срубного времени, т. е. с сер. II тыс. до н.э., во втором случае к бронзовому веку относятся и ямные и катакомбные памятники первой половины II тыс. до н.э. Некоторые специалисты вообще поставили вопрос о введении нового понятия — «медномышьяковистый век» (Moorey 1964; Selimchanov 1977; против этого Coghlan 1990).

Что вообще важнее для определения — состав материала или технические приемы обработки или типология? (ср. Otto 1939). Кристиан Штрам напомнил, что это вещи разные (Strahm 1982: 17). Форбс считает, что определяющими должны быть приемы обработки, а не состав металла. «Как только мы начнем использовать в качестве критерия технологию определенного периода, а не вид металла или сплава, мы увидим, что развитие в каждом регионе стало последовательностью стадий или фаз, каждая из которых является цельной и законченной». Он советует прилагать обозначения «медный век» и «бронзовый век» к стадиям технологии, а не к сменам материала (Forbes 1964). Но таким образом, вполне правомерными окажутся медный век без чистой меди и бронзовый век без бронзы.

Решение упрощается в тех случаях, когда устойчиво совпадают радикальные изменения в нескольких параметрах, т. е. когда сразу наступают сдвиги в ведущем материале, в технике его обработки и в типологии, а также в других фракциях культуры. Именно так обстояло дело с неолитом Леббока. Но и наибольшие затруднения рождаются тогда, когда это привычное сочетание распадается в новооткрываемых культурах, когда его компоненты появляются порознь — в разное время, в разной последовательности. Вспыхивают споры, который из них важнее или чем их заменить в качестве критерия. Пожалуй, разумнее было бы в подобных случаях вообще отказываться от традиционного понятия. Есть смысл вводить для непривычных комплексов новые понятия (с новыми наименованиями), для разных последовательностей — разные варианты периодизации (с собственными наименованиями периодов), а уж потом думать над тем, в какой мере эти новые периоды эквивалентны традиционным.

Да так ли уж необходимо и оправдано наличие единой схемы? Некоторые исследователи считают, что совершенно необходимо. Берджес заметил, что в Британии бронзовый век стали подразделять не по технологическому критерию, а по культурным признакам — типологии орудий, способам погребения и т.п. Он предлагает вернуться к единому технологическому критерию (Burgess 1969). Н. Н. Диков (1976: 19) заявил: «В основу археологической периодизации должен быть положен принцип равенства основания деления (*principium divisionis*), которое должно быть таким же для каменного века, как и для последующих периодов». То есть каждый из основных археологических периодов надо рассматривать непременно как часть всей периодизации. Ступенчатость схемы, последовательность шагов разбиения должна быть везде одинаковой. Г.П. Григорьев (1988) подметил, что ранний палеолит отличается от позднего по самой классифицируемости — по структуре допустимых группирований: в ашеле и мустье нет типов вещей, а есть только категории, нет локальных вариантов, а есть только типологические — «пути развития». М.В. Аникович (1992) использовал это наблюдение для полной перестройки всей периодизации.

Он констатирует, что ныне археологические эпохи — это в периодизации наиболее крупные деления, интуитивно ощущаемые исследователями как более или менее «одинаковые» по своему значению, «равноценные». На деле же они несопоставимы, и классификация нелогична. Нужен общий принцип. Этот автор предлагает первостепенными делениями шкалы сделать «эры», выделяя их по основной структурируемости (олдувай — ашель с его разновидностями — мустье с путями развития — новая эра с археологическими культурами), а вот на втором шагу выделять «эпохи» — по массовому введению нового материала (кость — керамика — бронза — железо — синтетика).

Вообще-то критериев здесь, собственно, не один, а два, общим оказывается лишь принцип организации критериев. Но если допустимы разные критерии, то так ли важно соблюдение единства на разных шагах и в разных ветвях классификации-периодизации? В чем вообще нужно видеть единство? Австрийский археолог Рихард Питтиони смену ведущих материалов представлял иначе, чем Томсен, и между каменным и металлическим веком вставил век керамики. Схема получилась такой: *литкум* — *керамикум* — *металликум*. Практически керамикум совпал с неолитом (Pittioni 1950; 1952). Из керамики изготовлялась утварь, но не орудия или оружие, так может ли она служить критерием периодизации наравне с камнем и металлом? С другой стороны, повышение роли керамики, конечно, психологически близко археологам. Кроме того, введение керамики знаменует изменение психологии древних людей и их стра-

тегии поведения — они стали заготавливать продукты впрок. А это отражает важный сдвиг в хозяйстве. И хотя реакция видных археологов была негативной (Childe 1953b; Kirchner 1954), отдельные части питтиониевской схемы всплывают до сих пор. Керамический век поддерживается у Банди, построившего схематическую (скорее символическую) кривую употребительности или важности керамики (Bandi 1985; 1986), металликум применяется в работах Штрама (Strahm 1982; 1988).

Но все эти затруднения, сколь бы ни были они велики, не подрывают *принципиальную возможность деления археологического материала на этапы по ведущему веществу изготовления орудий и оружия, приемам его обработки и по типологической прогрессивности (соответственно — технической производимости) орудий*. Под сомнение ставятся лишь *стандартность, точность и безусловность* рубежей между этапами. Деление суток на утро, день, вечер и ночь необходимо и реалистично, как бы ни были расплывчаты и условны границы между ними. Очевидно, что в принципе можно найти приемлемые для широкого круга исследователей четкие, но условные рубежи между этапами или же отработать объективные определения безусловных, хотя и нечетко разграниченных этапов. Наконец, можно продумать критерии и условия различных периодизаций, приспособленных к частным задачам исследования, и вырабатывать приемы их взаимного соотнесения и даже согласования. Но прежде, чем браться за эту работу, нужно сначала добиться ясности и взаимопонимания в другом — в вопросе об историческом и хронологическом значении выделяемых этапов.

Поступив из рук Томсена и Ворсе к эволюционистам и получив именно у них (начиная с Леббока) свой нынешний вид, «система трех/шести веков», а точнее, *техническая периодизация* как концепция археологии приобрела в эволюционистской обработке характер и ранг *универсальной археологической периодизации — общемировой и всеобъемлющей (общекультурной)*.

3. Общемировая или локальная? Вопрос уже ставился в литературе (Klejn 1972; Černyš 1982). Придание этой периодизации характера общемировой заключалось не только в игнорировании локальных различий. То есть дело не ограничивалось тем, что установленная для Северной и Западной Европы последовательность этапов была принята за норму, пригодную для всей Земли. Унификация имела еще и другой аспект: неравномерность развития разных районов смазывалась, а периодизация передовых районов (для определенного периода — периодизация Древнего Востока) не только распространялась на остальные как эталон, но и попросту накладывалась на них даже своей хронологической сеткой (Ciołek 1975).

То есть намечались единые для всей ойкумены переломные моменты смены эпох — от мезолита к неолиту, от неолита к медному веку и т.д. — по успехам в наиболее передовых районах. Считалось, скажем, что на Земле наступил бронзовый век, раз он наступил в Восточном Средиземноморье, хотя бы в Скандинавии еще господствовал камень. Такую трактовку навевало эволюционистское понимание закона единства человечества, сочетавшееся с характерным для эволюционистов протодиффузионистским представлением о решающей роли нескольких небольших районов в истории всего человечества. И диффузионисты переняли эту трактовку.

Еще Городцов выделял единую неолитическую эпоху в истории всего человечества, начиная ее с конца ледникового периода и завершая первым появлением металла в V тыс. до н.э. в странах Древнего Востока. Это была крайность.

Однако такое игнорирование локальных особенностей развития зашаталось с накоплением фактов о синхронности северного неолита с южным бронзовым веком, о своеобразии развития Африки (появление железа до бронзы) и т.п. Главную же роль в сдвиге акцентов сыграл отход европейских археологов от идей и принципов эволюционизма. В книге «Человек создает себя» Чайлд писал: «Не надо представлять себе дело так, что в один прекрасный момент мировой истории протрубила труба с небес и каждый охотник от Китая до Перу отбросил свои оружие и ловушки и начал сеять пшеницу или рис или маис или принялся разводить свиней, овец и индеек» (Childe 1936).

Многие ударились в противоположную крайность — абсолютизацию локальных особенностей и территориальных границ, отрицание параллелей в развитии (см. Борисковский и Замятин 1934; Daniel 1950: 239 и сл.). Отход был не всеобщим. Общие идейные традиции эволюционизма сохраняли большой авторитет и частичное признание среди археологов-марксистов, конкретное фактологическое наследие удерживалось еще шире. С другой стороны, и в советской науке было время абсолютизации таких факторов, как местное своеобразие, культурная самостоятельность и первобытная изоляция. Крайности сосуществовали и боролись (с работой Городцова ср.: Равдоникас 1947: 151).

Еще в середине нынешнего века М.Е.Фосс продолжала, хоть и не столь радикально, традицию Городцова и подчеркивала «несообразность применения термина «неолит» в отношении культур, синхронизируемых с бронзовыми, так как получается, что племена, находящиеся в сношениях друг с другом, жили в разных эпохах». Исследовательница утверждала, что синхронные «культуры следует относить к одной эпохе, несмотря на различие в облике» (Фосс

1949: 41). И она реализовала эту идею в конкретных примерах.

Вскоре А.Я.Брюсов выступил с критикой «эклeктичных последователей» Городцова, относящих определенные стоянки и культуры к эпохе бронзы на основании наличия в них единичных бронзовых изделий или даже орнаментов на керамике, если те аналогичны орнаментам в более южных культурах, имеющих бронзовые орудия.

«Такое сопоставление, — писал он, — было бы вполне закономерным при допущении определения неолитической эпохи, данного В.А.Городцовым. С этой точки зрения он вполне последовательно относил, например, к бронзовой эпохе комплексы вещей, среди которых были кремневые наконечники с выемкой в основании, и даже к железной эпохе комплексы, включавшие наконечники сейминского типа. Но сторонники изложенного взгляда не идут так далеко, и потому их определения допускают внесение субъективного элемента. Трудно понять, какие элементы в материальной культуре с их точки зрения можно использовать для отнесения комплекса вещей к бронзовой эпохе; с элементами культур бронзовой эпохи какой области следует их сопоставлять? Почему, например, наличие орнамента в виде заштрихованных треугольников на глиняных сосудах лесной зоны позволяет относить комплексы с такой керамикой к бронзовой эпохе по аналогии с таким же орнаментом на сосудах, найденных на юге СССР и относимых к эпохе бронзы, а наличие спирального орнамента на сосудах трипольской культуры не приводит к такому же заключению по аналогии со спиральным орнаментом Месопотамии? И здесь В.А.Городцов был последовательнее своих эклeктичных подражателей и относил трипольскую культуру целиком к бронзовой эпохе» (Брюсов 1952: 5-6).

Но, критикуя своих противников за непоследовательность, Брюсов не выдвинул аргументов против самого принципа. Между тем априорная несостоятельность последнего далеко не столь очевидна, как это казалось Брюсову, особенно если отойти от крайних выражений. На Западе в наши дни построение, подобное Городцовскому, хотя и с другими хронологическими границами, предложил в своем капитальном труде Герман Мюллер-Карпе. Он называет такой подход *изохронологическим* (противопоставляя его *изофеноменологическому*) и считает его закономерным и практичным (Müller-Karpe 1969: VI). При изофеноменологическом подходе объединяются в одну эпоху культуры со схожими явлениями, т. е. культуры одной стадии развития, одного уровня, представляющие один и тот же феномен. А при изохронологическом — контактирующие друг с другом, взаимосвязанные культуры. В этом случае лидирующая определяет уровень всех.

По Брюсову, который руководствовался ус-

тановкой Монтелиуса, конец неолита наступает в «данной области или культуре» только с началом «местного производства металлических изделий, различные категории которых образуют в дальнейшем местные типологические ряды» (Брюсов 1952: 5). Лишь ненамного менее требователен Форбс — он считает возможным обойтись без констатации собственных типологических рядов, но все еще требует наличия местного производства: «даже те области, куда металлические предметы приносила торговля, не обязательно должны быть сами в веке металла. Пока не будут ввезены кузнецы, чтобы работать там, надо считать, что каменный век продолжается» (Forbes 1950: 15).

Но и Брюсов, упрекавший своих противников в непоследовательности, сам непоследователен: почему в сужении ареала он остановился на границах «данной области (какой именно? — Л. К.) или культуры», не сжал объект еще теснее — до пределов данного очага металлообработки? Именно так поступил Форбс. Можно было бы пойти еще дальше, и в конечном счете подлинно «местным» производство металлических изделий является только для того поселка, где живет кузнец, а «своим собственным» оно является лишь для самого кузнеца: все прочие поселки и районы — той же культуры или соседних — получают металлические изделия в порядке обмена, как импорты. Не будет ли тогда логически последовательным признавать наличие бронзового века только в этих пунктах производства, а на всей остальной территории тянуть неолит чуть ли не до наших дней? Да и наши современные населенные пункты — многие ли окажутся в железном или даже в бронзовом веке?

С этой точки зрения более рациональным представляется предложение Черных: «Где граница между неолитом и медным веком?» — спрашивает он. И отвечает: «На наш взгляд, эта эпоха начинается в той или иной географической зоне, заселенной единокультурным населением, с появлением в его обиходе медных или бронзовых изделий. Усложнять определение этой границы введением дополнительных условий, как-то: местные орудия или привозные, знает ли население металлообработку или нет, дают ли типологическое продолжение в последующем времени употребляемые орудия или нет, — здесь, по-видимому, нецелесообразно...

Этап бронзы начинается с появления в той или иной культуре устойчивой и значительной серии изделий из искусственных сплавов на медной основе... Если какой-либо металлургический центр характеризуется этапом меди, то все культуры, втянутые в зону его доминирующего влияния, будут находиться на этой же ступени. И, наоборот, если культура или группа культур получает основное количество изделий из центра, производящего бронзу, то мы должны считать эти культуры стоящими на этапе

бронзы» (Черных 1965: 108-109).

Чем, однако, документируется тот факт, что данная культура «втянута в зону» определенного металлургического центра? По Черных, «основной признак» этого — «находка в памятниках соответствующей культуры серии медных или бронзовых предметов, бесспорно относящихся к этой культуре» (Черных 1965: 109).

«Для древнего человека, взявшего в руки металлический топор, — поддерживает эту позицию Н.В.Рындина (1978: 79), — было безразлично, где и кем он сделан: в местных мастерских или чужих, удаленных от него на сотни километров. Ему важны были технические преимущества нового орудия в сравнении со старым каменным». Она считает, что рубежом должно быть введение металла в производство. Случайное использование металлических предметов не имеет значения. Если из меди сделаны украшения или режуще-колющие орудья (ножи, шилья), это еще неолит. Если орудия ударного действия (топоры), то это уже энеолит, потому что они должны быть упрочены ковкой. Рындиной возражает Збенович. Проушные топоры применялись не в основной отрасли производства, т. е. не в земледелии, а в домостроительстве и в быту, поэтому они не должны иметь столь определяющего значения. Для констатации перехода к медному веку достаточно наличия медных изделий устоявшихся типов на ряде памятников. Остальные металлургические критерии отступают на второй план (Збенович 1985).

Между тем, есть специфика у археологических источников (лакунарность и односторонность) и, в частности, у металла (отход в переплавку, редкость оставления в памятниках, отсутствие в некоторых категориях памятников). В силу этой специфики наличие металла в быту древних племен нередко сигнализируется лишь жалкими крохами, а бывает, что и вовсе очень долго не находит отражения в поступающих к нам данных археологии. В первом случае даже единичные металлические изделия, дошедшие до археологов, могут быть сигналами о значительных некогда поступлениях металла в данный район. В соответствии с этим для Арциховского достаточно и таких единичных предметов, чтобы отнести данную культуру к веку металла (Арциховский 1955: 60 сл., 70 сл.). Во втором случае мы имеем дело с длительным отсутствием прямых доказательств использования металла. Вспомним, что Карбунский клад целых полвека не давался в руки исследователей раннего Триполья. При такой ситуации вторичные признаки «втянутости» культуры в зону какого-то металлургического центра приобретают особое значение и пренебрегать ими было бы, видимо, неразумно.

Это может быть подавление техники кремня, деградация орудий, уход кремня в украшения, в ритуал. Правда, подобные сигналы не

обязательно должны быть налицо при наличии в быту данного населения металлических изделий. Происходило ведь не только подавление техники кремня. Феномен контрастного отражения успехов металлургии в культуре, даже собственно в технике неолитических по своему укладу племен, давно реконструируется археологами: предполагаются имитация металлических топоров и кинжалов в камне и кремне, рост добычи кремня в ходе конкуренции с металлом и т.п. (Фосс 1949: 35, прим. 10; Чайлд 1952: 209, 267 и др.; Schickler 1968). Но, с другой стороны, и такая «втянутость» тоже заслуживает быть отмеченной в технологической периодизации: если это и неолит, то, несомненно, уже не прежний, не классический, а какой-то особый, во многом уподобляющийся бронзовому веку. Как очень удачно выразился Пик, «неолит, видимо, перерастает в металлический век без металла» (цит. по: Forbes 1950: 13).

Ввиду прогрессивности этого его этапа термин «пережиточный, реликтовый неолит», иногда применяемый в подобных случаях, вряд ли можно счесть вполне подходящим. Ведь «медный век без меди» или «бронзовый — без бронзы» — это в каких-то важных технологических отношениях все же медный век и бронзовый век (например, если взять состав кремневой и костяной индустрии — тех же орудий и оружия!). Выходит, что реконструкция подобных этапов в культурном развитии широкого, хотя и не всеобщего, территориального охвата, при элиминации крайностей, не так уж абсурдна.

Именно для таких периодов, которые уже не соответствуют определению классического неолита, но еще не обладают необходимыми признаками бронзового или даже медного века, некоторые исследователи считают подходящим термин «энеолит». Так, Тихонов пишет: «Энеолитом называется... период, начинающийся с момента появления первых металлических орудий, возникших самостоятельно или полученных из другого металлургического центра, и заканчивается с появлением местной обработки металла...» (Тихонов 1960: 86-88).

Отвлечемся от нечеткости формулировки (непонятно противопоставление «самостоятельности» «местной обработки металла»). Очень неудобно использование термина, придуманного для другой цели («энеолит» — период «равноправия» камня и металла), в новом значении («энеолит» — период, когда обходились импортными металлическими изделиями). Совпадение этих значений не доказано, да и не провозглашается исследователем. При сохранении за этим термином и старого смысла, а то и двух (это когда он отождествляется с медным веком), новое предложение только увеличивает разноречивость и умножает путаницу.

Вообще удивительно стремление археологов к терминологической экономии, характерное для всей Европы. При резком обновлении — из-

менении и умножении — набора понятий в связи с разрастанием информации о материале они почти всегда норовят обойтись старым скудным набором нескольких терминов. Становится очевидной неравномерность развития, мы узнаем различные этапы продвижения металлообработки в определенной среде и этапы освоения металла там. Всё это новые понятия. Казалось бы, это должно побудить нас к созданию специальных терминов для этих этапов в количестве, соответствующем количеству этапов. Вместо этого мы пытаемся обойтись наличной горсткой слов, отягощенных старыми значениями, большей частью не подходящими к новым функциям, пробуем так и этак приспособить их к новым значениям, не отменяя старых.

Конечно, термины условны. Но если предлагаемое новое значение не является прямым следствием первоначального смысла, не соответствует привычному употреблению, то только авторитетное совещание ученых может придать ему жизненную силу и право обращения к новой функции. Пока этого нет, пусть термины означают то, что они означают, а для новых понятий давайте будем вводить новые термины.

В XX веке осознание вариативности развития побудило специалистов по палеолиту ограничить классическую последовательность «эпох» Мортилье (шелль — ашель — мустье и т.д.) Западной Европой, а для Африки, скажем, открывать новые понятия и изобретать новые термины (олдовой — лупембе — стилбей — санго...). «Эпохи» стали чаще именовать «культурами». Понадобились локальные подразделения и для Восточной Европы (селет), и даже для Франции (перигор). Периоды неолита и бронзового века Монтелиуса, обозначенные цифрами, оказались стандартом только для Северной Европы. Что же, их тоже именовать культурами? «Культура M1», «культура MII»... Уже для Центральной Европы потребовалась иная периодизация — ее ввел Пауль Рейнеке, обозначив свои периоды буквами. Для Эгейского бассейна, в культурном отношении очень впечательного в неолите и бронзовом веке, Артур Эванс (для Крита), а затем Алан Уэйс и Карл Блеген (для материковой Греции) и др. основали отдельную периодизацию — Ранне-Минойский, Средне-Минойский, Поздне-Минойский, с делением каждого на I, II и III, соответственно Ранне-Элладский, Ранне-Кикладский и т.д., с теми же делениями. Очень стройная система, даже слишком стройная.

Герман Мюллер-Карпе (Müller-Karpe 1974; 1975) предложил применять в периодизациях разные критерии для разных масштабов охвата. В узко-локальных колонках он считает наиболее удобным именовать ступени по типичным («эпонимным») памятникам (например, Троя II или Гальштат C), при периодизации целых регионов выделять этапы по широко распространенным культурным явлениям (мегалитическое

время, эпоха боевого топора и шнуровой керамики, диапазон колоколовидных кубков, курганная фаза, период полей погребальных урн, геометрический этап), а обозначения по составу металла оставить для периодизации всего Старого Света (поздний неолит, ранний медный век и т.д.). На деле ступени локальных колонок действительно часто, хотя и не всегда, именуется по типичным памятникам или по культурным явлениям с дополнительными спецификациями (ранне-, первый и т.п.).

Каждая из этих схем оказалась весьма долговечной. Но ограниченность их не только локальная. Логическое развитие каждой оказывается замкнутым внутри одного из подразделений схемы Томсена — Леббока. Последовательность Мортилье и родственные — это палеолит; периоды Монтелиуса, Рейнеке, эгейской колонки — всё это неолит или бронзовый век. Видимо, с ними не избежать задачи систематизации — найти их место в общей периодизационной схеме. Ведь при всем разнообразии технический прогресс осуществлялся, и он проходил одни и те же стадии. Сравнительная археология была бы бессмысленна, если бы показывала только различия. Ее смысл в выявлении сходств, общности пути.

Во многом трудности с определением размаха периодизации проистекают из неразличения *изофеноменологического* и *изохронологического* подходов. По самой своей природе (оценка у р о в н я р а з в и т о с т и) технологическая периодизация принадлежит к первому подходу и т о л ь к о в решении его задач уместна. Устанавливая *синстадиальность* во всемирном масштабе, она должна отрешиться от попыток совместить это с *синхронностью*. В каждой локальной колонке, в каждой секвенции может оказаться свой темп, свой, не всегда полный, набор общемировых этапов, своя специфика состава критериев. Что же касается изохронологического подхода, то ему и вообще данная периодизация не соответствует: не она отражает формирование горизонтов контактных связей и переломные моменты в процессах широкого территориального охвата. К тому же, чем глубже в прошлое, тем уже этот изохронологический охват, ибо тем больше изоляция отдельных групп человечества.

С изофеноменологическим подходом мы, археологи, решаем проблемы биологического, социологического и культурологического порядка, с изохронологическим — входим в историю. Археологическая периодизация, взятая в целом, — изофеноменологическая задача. Но чем подробнее ее подразделения, чем ближе к локальным колонкам, ко всем этим Ранне-Элладским и Ha II (Hallstatt II), тем больше вес чисто хронологических задач и тем решительнее изофеноменологический подход сменяется изохронологическим.

Из-за плавности перехода от одного к другому

му очень трудно найти уравновешенное решение. Стимулированная идеями эволюционизма унификация технологической периодизации является крайним упрощением. Однако столь же чрезмерным упрощением является противоположная крайность — дробление этой периодизации на множество самостоятельных узко-локальных колонок с независимой относительной и абсолютной хронологией в каждой. Перспективен путь разумного обобщения, а меру обобщения в каждом случае должен подсказать анализ конкретного материала.

4. Общекультурная или узко-техническая?

Немало споров связано и со второй стороной эволюционистской универсализации «системы трех/шести веков» — с ее распространением на всю сферу культурного развития и жизни общества.

Собственно, здесь сказалась характерная для эволюционистов биологизация общественных структур. Эволюционисты обычно сильно уподобляли общество биологическому организму. Поэтому в их представлении оно и этапы своего развития проходило как цельный организм — изменяясь одновременно во всех своих сферах и частях. Следовательно, достаточно было изучить любую по отдельности, чтобы получить знание об общем развитии. Естественно, что и периодизацию развития техники эволюционисты, ничтоже сумняшеся, переносили на остальные сферы общественного и культурного развития и на всю историю первобытного общества в целом. «Палеолитическое искусство», «религия палеолита», «неолитическая экономика» и т.п. — всё это были не просто удобные выражения: в них отражалось понимание предмета.

Уже Леббок, выдвигая понятие неолита, ввел в само определение факторы, выпадающие из линии развития кремневой индустрии, техники камня, вообще орудий труда — появление керамики, земледелие и наличие домашних животных. Он даже сделал один из этих признаков (керамику) первым в перечне, и это привилось в качестве классического определения неолита!

Внутренний механизм взаимодействия факторов внутри общественной структуры оставался для эволюционистов скрытым. Основными двигателями прогресса они считали идеи, а технические изобретения, положенные в основу археологической периодизации (системы трех — шести веков), — лишь внешним выражением, материализацией этих идей.

Поскольку, однако, сама специфика археологии побуждала класть в основу периодизации именно успехи в развитии материального производства, орудий труда, а уже от них двигаться к остальным сферам жизни общества, то основанная на этой периодизации исследовательская деятельность поневоле направлялась в русло материалистической реализации и носила стихийно материалистический характер.

Можно сказать, она оказывалась не так уж далека от представлений марксизма о роли развития орудий в истории общества (ср. Памяти... 1958: 4-5; Рыбаков 1968: 30).

Неудивительно, что археологи, осваивавшие марксизм, приняли систему трех — шести веков на вооружение. Немногое оставалось сделать в ее обработке, чтобы придать ей марксистский облик, — сместить акценты. «Метод восхождения», предложенный в 20-е годы нашего века А.В.Арциховским (1929), отражал именно эту работу, «теория стадийности» учеников акад. Марра завершила оформление. Исходили из знаменитого высказывания Маркса о том, что ручная мельница дает нам общество с скюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталом (Маркс и Энгельс 1847/1955: 133). А также из другого, не менее знаменитого: «Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена... и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи...» и т.д. (Маркс и Энгельс 1846/1962: 402).

«Метод восхождения» подразумевал принципиальную возможность восстанавливать облик надстроечных структур (социальных отношений, идеологии) по явлениям базисным (по экономике), а те — по сохранившимся остаткам производительных сил (по орудиям). Метод состоял в установлении клише — стереотипных соответствий (теперь их на Западе называют коррелятами) между элементами разных этажей культуры и в применении этих клише к конкретным реконструкциям. Считалось, что такая возможность вытекает из принципов исторического материализма.

Теория же стадийности трактовала все и всяческие изменения в культуре любой местности как непосредственный результат сдвигов в местном производстве. Она объединяла все связанные так в рамках стадии элементы в единый комплекс и делала такой комплекс, а то и отдельные входящие в него элементы, опознавательными признаками стадии. Сходства культур разных местностей и районов подтягивались к одному уровню развития и объявлялись синстадийными.

Технологическая периодизация была осуждена стать невычлененным компонентом более широкой системы.

Правда, в марксистской литературе признавались и разрабатывались также другие периодизации истории первобытного общества. Прежде всего это *этнографическая периодизация* Моргана, одобренная Марксом и адаптированная Энгельсом. Она построена также на сугубо материалистической, но более широкой основе: не исключительно по усовершенствованиям *техники, орудий труда*, а по успехам в разви-

тии производства в целом, включая строительство, транспорт и проч.

Традиция универсализации системы трех — шести веков сказывалась в том, в о - п е р - в ы х , что эта система была объявлена археологической периодизацией *par excellence*, а периодизация Моргана — Энгельса противопоставлялась ей как историко-этнографическая или историческая (Равдоникас 1939: 87-91; Першиц и др. 1968: 5-6), хотя показатели обеих периодизаций представлены как в этнографическом, так и в археологическом материале. Это делалось даже тогда, когда историческую периодизацию первобытности стали строить заново, и уже на основе изменений в производственных отношениях (Першиц 1960; см. библиографию в: Семенов 1966: 26). В о - в т о - р ы х , было сделано немало попыток установить жесткое, всеобщее и постоянное соответствие между этапами обеих периодизаций (начиная с Ефименко 1933). Решались вопросы о том, падает ли неолит на низшую или на среднюю ступень варварства, и соответственно, бронзовый век — на среднюю ступень или на высшую, и т.п. (Равдоникас 1939: 91-95; Толстов 1946; Першиц и др. 1968: 7-8). Иными словами, проявлялось стремление слить обе периодизации в одну.

Но которая из двух ляжет в основу? Во всяком случае, не технологическая: над нею тяготело буржуазное происхождение и близость к производственному детерминизму (который марксизмом осуждался). А.Н.Бернштам сетовал на то, что «в практике остались старые буржуазные классификации, и они являются руслом, по которому проникают в советскую археологию влияния буржуазного вещеведения... Уже Н.Я.Март показал, что на любом (sic! — Л.К.) этапе изучения археологического памятника следует исходить из всей совокупности исторических данных, среди которых археологический объект лишь частное выражение исторического явления, наряду с данными письменной истории, этнографии, языка, искусства, фольклора. Другими словами — в основу следует положить комплексное рассмотрение исторических явлений и среди них рассмотрение археологического материала... Морфологический принцип классификации, как основной, должен быть отвергнут ...» (Бернштам 1949: 18-21). Эта критика подтачивала авторитет и силу технологической периодизации.

С других позиций аналогичная критика велась и за пределами марксистской науки. В кругах либеральной английской интеллигенции был в моде «широкий взгляд на вещи». Технологическая периодизация отталкивала своей односторонностью, узостью основы. Введение скотоводства и земледелия представлялось более важным для жизни общества в целом, чем изменения в технике обработки камня и даже чем открытие металлургии. Поэтому Кендрик в 1925

году объединил неолит и ранний бронзовый век в «зохалкический эпизод» или «зохалкический век», и это положение приняли в 1940 г. Хокс и Пик в своих работах. Введение керамического века отражало ту же тенденцию.

Обе тенденции — английской и советской археологий — объединил, строя комплексную периодизацию, Чайлд в процессе своего применения марксизма к археологии. В качестве скелета своей периодизации он взял старую археологическую периодизацию, сохранив и ее номенклатуру. Но он расширил состав признаков, наполнив свои этапы содержанием, взятым из этнографической периодизации Моргана — Энгельса и соответственно перенеся цезуры. Термин «переворот» (*revolution*), используемый для обозначения рубежей между периодами, призван подчеркнуть быстроту, радикальность и всеобщность изменений во всей структуре общества. Чайлд говорит о «палеолитических собирателях», «неолитической революции», «городской революции» (Childe 1936; 1950; 1953a).

Правда, позже Чайлд сам отступает от такой унификации. В новой книжке он уже представляет свою комплексную периодизацию просто как две склеенных параллельно схемы (Томсена — Леббока и Моргана — Энгельса), прослеживая по главам «палеолитическую дикость», «неолитическое варварство», «высшее варварство медного века», «цивилизацию бронзового века» и т.д. (Childe 1942). А вскоре он уже призывает усматривать за терминами системы трех/шести веков не хронологические эпохи, а только технологические этапы (Childe 1944). Но этот его призыв к возврату не был услышан, и сам Чайлд затем неоднократно переиздавал свою ставшую библией для его последователей книгу 1936 года с новаторской схемой. Кроме того, характерно, что подразделения медно-бронзового века (*modes*) он выделил по прогрессирующему использованию металлических изделий в хозяйстве: сначала украшения и оружие, потом орудия в ремесле, наконец, в сельском хозяйстве — для грубых работ (Childe 1944). Эта схема отражала его склонность всё-таки расширять критерий членения.

В новейшее время чайлдовскую концепцию революций, хотя и несколько по-разному, продолжают и развивают Роберт Брейдвуд в США, Соня Коул, Фрэнк Хоул, Марек Звелебил и Дэвид Харрис в Англии, Гюнтер Смолла и Фридрих Шлетте в Германии, Кой и Лоренце в Перу и Мексике, В. М. Массон в СССР, Витольд Хенсель и Станислав Табачиньски в Польше (Braidwood 1952; 1960a; 1960b; Cole 1959; 1961; Smolla 1960; Choy 1960; Lorenze 1961; Массон 1964; Массон 1966; Массон 1968a; Массон 1968b; Schlette 1971; Hensel, Tabaczyński 1978; Hole 1984; Zvelebil 1986; Harris 1990) и др. Так появились в нашей науке «неолитическая революция» и «городская революция».

Пример заразителен, и революции множи-

лись. Для начала Фойстель различил две революции в палеолите: «охотничью» и «верхнепалеолитическую» (Feustel 1968; 1973), потом к ним прибавилась еще одна, самая ранняя — «человеческая» (Mellars, Stringer 1989). Жак де Морган считал «революционными» мезолитические нововведения, и Бинфорд в общем поддержал оценку этих изменений как драматических, хотя революцией их и не называл (Morgan 1924: 74; Binford 1968). Но уже Кент Флэннери предложил и название: «революция широкого спектра» (Broad Spectrum Revolution), имея в виду расширение диапазона используемых в мезолите дичи и полезных растений (Flannery 1969; Edwards 1989). Совсем недавно (Flannery 1994: 104 — 105) он ввел еще одну революцию — «революцию рангов» (Rank Revolution) между неолитической и городской. Термин «энеолитическая революция» еще в печати не объявился, но соответствующий ему этап давно намечен (Пиотровский 1961: 18; Массон 1966: 165). Близко к этому месту на шкале революций находится установленная Эндрю Шерратом «революция вторичных продуктов» (Sherratt 1981; 1983; 1986; Charman 1982) — он имеет в виду начало использования молока, шерсти и тягловой силы животных, а не только их мяса и шерсти. Итого уже семь революций. Полагаю, счет не закрыт...

В этой новой системе, призванной по первоначальному намерению Чайлда, дополнить и усовершенствовать старую, а по мысли его последователей — заменить ее, критерий членения перенесен из узкой сферы истории техники (изменение орудий *труда*) в более широкую сферу развития *производительных сил* вообще (изменение *хозяйства*). Эта сфера, конечно, ближе и теснее связана со сферой *производительных отношений*, и поэтому с помощью новой периодизации стало легче отыскивать воздействие производительных сил на производственные отношения, на развитие и смену социально-экономических формаций, которые, по марксизму, составляют стержень исторического процесса с самого его начала (ср. Семенов 1966: 26-31; Першиц и др. 1968: 7-8). Стало также легче проецировать «методом восхождения» рубежи между этапами развития производительных сил на сферы производственных отношений и надстроечных явлений. Постепенно все больше признаков из этих последних сфер проскальзывало в критерии археологической периодизации: стало модным приклеивать их к признакам нижней сферы (производительных сил).

Массон пошел по этому пути дальше Брейдвуда и упрекает последнего как «буржуазного исследователя» в том, что его периодизация «страдает экономической ограниченностью. В ней нет места производственным отношениям... По существу это лишь опыт периодизации истории хозяйства, а не истории первобытного

общества» (Массон 1964: 306, ср. также 32-84). В своей схеме Массон отвел место и производственным отношениям, чтобы сделать ее также и *периодизацией истории общества*.

В новой периодизации как-то растворилась периодизация по усовершенствованию техники (орудий). При этом Массон, как и другие авторы этой измененной периодизации, сохранил старую «условную терминологию», так как она «получила широкое распространение, и остается лишь следовать ей, оговаривая в каждом случае содержание, вкладываемое в тот или иной термин» (Массон 1964: 125).

5. Кризис системы. Между тем накапливались материалы, свидетельствующие о том, что явления из сферы развития техники орудий отнюдь не столь жестко, как это казалось, привязаны к определенным явлениям из других сфер (производительных сил в целом, производственных отношений и пр.).

Заметным ударом по старым представлениям было открытие в ряде стран — от Палестины до Подунавья и Поднестровья — «бескерамического», или «докерамического неолита» (см. Müller-Karpe 1969: 56, 73, 74, 86-87, 270), который у Даниленко (1969: 7) именуется «архаическим неолитом», а у Смоллы (Smolla 1960: 18) — просто «ранним неолитом». Суть дела в том, что в этих памятниках все признаки неолита есть, кроме керамики. Неолит стали фиксировать не только при отсутствии керамики, но и вне зависимости от наличия новых приемов обработки камня — по одному лишь введению производящего хозяйства.

Более того, Смолла вслед за самим Чайлдом (1953: 193 сл.) из всех признаков неолита считает одомашнивание животных (кроме собаки) «столь решающим, что его констатации достаточно, чтобы назвать культуру неолитической. Где другие явления отсутствуют, употребляется большей частью выражение «ранне-неолитическая» (Smolla 1960: 18). А Даниленко только такие группы и считает истинно неолитическими, «классическое» же определение неолита (включающее керамику, сверление и пиление камня и проч.), по его мнению, «больше подходит для характеристики раннего металла». Этот исследователь столь далеко зашел в своем отрыве от первоначальных понятий, что говорит о Леббоке так: тот «приписывает» неолитической эпохе технические достижения, «в действительности принадлежавшие последующему периоду» (Даниленко 1969: 7). Как будто не Леббок ввел термин «неолит», причем для обозначения совокупности этих именно признаков!

С другой стороны, объявились и культуры без производящего хозяйства, но с набором остальных признаков «классического» неолита. По Смолле, «культуру, в которой хоть и отсутствуют свидетельства одомашнивания, но содержится по меньшей мере два других элемента, напр. керамика и шлифованные каменные топоры, и

которая, кроме того, из-за абсолютной хронологии по меньшей мере находится под подозрением, следует обозначать как принадлежащую к началу неолита» (Smolla 1960: 18). Гимбутас, Хойслер, Мейнандер и Мальмер для таких поздних групп — по всему облику — «пережиточного мезолита», но, скажем, с керамикой, — применяют термин «субнеолит», а Пигготт — «вторичный неолит» (Gimbutas 1953: 108-110; Piggott 1954; Häusler 1960; 1964; Meinander 1961; Malmer 1962: 739).

Легко заметить, что эти «вторичный неолит» и «бескерамический неолит» вообще не имеют признаков общих (которые бы охватывали оба эти этапа), но тем не менее объединяются в одном классификационном понятии «неолит»! Для групп, соответствующих старому, классическому определению или близко подходящих к нему, пришлось записаться термином «развитой» или «полный неолит» (Vollneolithikum). «Группой развитого неолита, — отмечает Смолла, — называется такая, которая кроме свидетельства одомашнивания дала по меньшей мере и наличие керамики» (Smolla 1960: 18).

Чувствуя, видимо, отсутствие логики во всей сложившейся системе, Смолла делает оговорку: «Последовательное до конца проведение этих определений понятия ... повело бы кое-когда к гипертрофированной схематизации. Есть и в археологическом построении понятий своего рода относительность неточности» (Smolla 1960: 18). Цитированные примеры, однако, показывают, что есть тут, я бы сказал, и «абсолютность нелогичности».

Отсутствие медных орудий в Аньяне, весьма схожем с другими культурами «крашеной керамики», привело к выводу о том, что введение меди не сыграло существенной роли (Массон 1966: 158-159). Энеолит стало возможным определять по наличию мотыжного земледелия, женских статуэток и крашеной керамики и говорить, что он вообще выступает раньше появления первых медных орудий. То есть энеолит раньше энеолита! Тогда что ж его называть энеолитом, или халколитом, или медным веком? А в одном случае оказалось достаточно такого индикатора, как «пуговицы с V-образным отверстием», чтобы отнести раннеунетицкую культуру к энеолиту (Нажек 1957).

Определяя энеолит, Матющенко (1977: 19) утверждает, что «для советской археологии при решении вопросов археологической периодизации свойственно принимать в расчет не формальные, а потому и второстепенные признаки, но прежде всего те из признаков, которые отражают радикальные существенные изменения, касающиеся экономики и социальной организации общества. Исходя из этих позиций, энеолитическими можно назвать те культуры, носители которых сделали значительный шаг вперед по сравнению с неолитическим временем. Среди изменений такого рода решающее место

принадлежит земледелию и скотоводству или одному из них, знаменующим собой переход общества, пусть даже и в ограниченных масштабах, к производящей экономике». А «второстепенные» признаки не будут означать «переход общества из одной исторической эпохи в другую».

Нетрудно заметить, что здесь энеолит начинается с того, чем другие начинают неолит. А что этому препятствует? Ведь критерий совершенно освобожден от исторической связи с традиционными понятиями и от логической связи с терминами...

Для многих археологов названия периодов почти полностью утратили первоначальный смысл и превратились в сугубо условные ярлычки. Но так как для других археологов они сохранили первоначальный смысл, а то и по нескольку значений, то все эти значения стали взаимоналагаться и переплетаться. В сочетании с применением разных критериев к разным культурам это создало страшную путаницу в традиционной характеристике археологических культур.

Так, майкопскую и трипольскую культуры обычно одинаково относят к энеолиту, хотя у них разный состав металла: у трипольской — медь, у майкопской — мышьяковистая бронза. Может быть, трипольцев объединяет с майкопским населением в энеолите расписная керамика? Нет, ее нет у майкопских племен. Остаются земледелие и скотоводство, но они есть и у предшествующего населения. Точно так же катакомбные и фатьяновскую культуры принято относить к бронзовому веку, хотя у них разный состав и способ приобретения металла: у фатьяновской — собственная металлургия меди, у катакомбных — привозная мышьяковистая бронза. Зато майкопская и северокавказская культуры относятся к разным периодам: первая — к энеолиту, вторая — к бронзовому веку, хотя состав металла у них один (Черных 1965; 1966: 93).

Путаница увеличивается тем, что и новые критерии в характеристике культур не применяются последовательно, а местами сказывается инерция технологической периодизации. Это дает простор произволу. Так, мезолитические комплексы Восточного Средиземноморья отделяются от «бескерамического неолита» по отсутствию производящего хозяйства, а культуры лесной полосы Европейской части России с ямочно-ребенчатой керамикой включаются в неолит, несмотря на отсутствие производящего хозяйства — по наличию керамики и новых типов кремневых орудий.

Некоторые советские археологи для устранения этих нежелательных явлений предлагали вернуться к первоначальному смыслу терминов и первоначальной строгости критериев деления. Так, еще Быковский (1933: 10) считал неправомерным рассматривать «неолит», «энеолит» и т.п. как стадии развития общества, а не техники. По мнению Черных, термины «энеолит»

и «бронзовый век» характеризуют «прежде всего технический этап развития общества» и ставят «во главу угла степень развития металлургии» (Черных 1965: 106). «Мы выступаем, — пишет он, — за то, чтобы металлургический признак в его самом широком значении был здесь главенствующим, иначе не имеют смысла сами термины: «энеолит», «халколит», «медный век», «бронзовый век». В противном случае, если принимать за критерий иные признаки, мы должны будем искать термины, более соответствующие признакам, взятым за основу. Положив в основу археологической классификации не ведущий рабочий материал, а форму хозяйства каждой культуры, нам необходимо будет коренным образом менять всю устоявшуюся терминологию эпох. Думается, что для этого нет оснований».

Идея здравая, хотя мотивировка, прямо скажем, странная: чтобы сохранить термины, подбираются понятия. Но, кроме того, еще одна характерная мотивировка: «Появление в хозяйстве древнего населения металла и металлических орудий может служить критерием для определения эпох... Отнесение той или иной культуры к эпохе энеолита или бронзы... указывает нам прежде всего на степень развития ее металлургии и, косвенно, на состояние иных отраслей хозяйства. Итак, эпоха меди и бронзы — это прежде всего хозяйственно-технический этап развития общества» (Черных 1965: 107). На том же настаивали Клейн (Klejn 1972), Диков (1976), Мерперт (1981), Аникович (1992), Питулько (1993).

Такое безоговорочное ограничение функций археологической периодизации открывало для сторонников «системы трех революций» возможность упрекать приверженцев «хозяйственно-технического» критерия в чрезмерной специализации, в отрыве археологии от истории, в сужении исследовательских интересов и возможностей науки. «Отказ от культурно-исторического объяснения неизбежно приводит к формализму и искусственному отрыву археологии от других социальных наук, — писал Г.Е. Арешян (1980). — В этом отношении показательна антиисторичность некоторых фундаментальных категорий археологической науки». В пример он приводил понятие «халколит» или «энеолит». Он с сожалением отмечал, что энеолит «является лишь стадией в познании человеком свойств металла, ступенью развития металлургии. Энеолит, как правило, не характеризуется ни специфическим хозяйственным укладом, ни особой социальной организацией или идеологией...».

Это верно. Более того, такие определения дают и те археологи, которые ратуют за наполнение археологических периодов хозяйственным и социальным содержанием. Так, Зализняк (1980), считающий, что «мезолит — это высшая фаза охотничьего хозяйства», тут же делает ого-

ворку: «Археологическим признаком мезолита является широкое распространение микролитической техники обработки кремня». Еще в тезисах 1977 г. Массон и Мунчаев так старались наполнить энеолит социальным содержанием, что, по замечанию Мерперта (1981: 7-8), получилось не *определение*, а *характеристика* энеолита (на деле это была и не общая характеристика энеолита, а лишь характеристика некоторых его локальных проявлений). Но уже во введении к тому по энеолиту академического издания «Археологии СССР» Массон (1982: 5), продолжая отстаивать «содержательный» и комплексный подход к определению, всё же дает такую собственную формулировку: «По критериям археологической периодизации под энеолитом следует понимать эпоху внедрения и широкого использования медных изделий...» — и отмечает борьбу металла с кремнем (Массон 1982: 7). Это то, что он же называет «формально-семантическим» подходом, то есть отвечающим точному значению терминов.

Отталкиваясь от той же путаницы и того же произвола, некоторые влиятельные современные археологи выступили с предложениями вовсе отказаться от старой периодизации, выросшей из «системы трех веков», — и от ее принципов, и от ее конкретных делений, и от ее номенклатуры. Этим археологам нельзя отказать в последовательности. Для некоторых из них главной идеей критики было неверие в примат производства. Эти археологи предложили новые универсальные периодизации, построенные на изменениях в других, а нередко и в разных сферах жизни общества. Такова а м е р и к а н с к а я с х е м а развития общества по фазам — *литической, архаической, формативной, классической, пост-классической* (*Lithic, Archaic, Formative, Classic, Post-Classic*) (Steward 1948; Krieger 1953; Willey and Filippis 1958; Rowe 1962). Таково же включение у Клакхона монументального религиозного центра в число трех определяющих признаков цивилизации (см. Daniel 1968: 25).

Для других критиков ситуации руководящим стимулом критики служит неверие в силу и знание общих законов развития. Эти вообще не противопоставляют старой системе какую-то одну новую общую периодизацию, а предпочитают иметь локальные схемы для каждого района и культуры.

Все эти тенденции сфокусировал Даниел. Критикуя периодизацию Анатолии, предложенную Меллартом и включающую термины «мезолит», «протонеолит», «неолит», «ранний халколит» и т.д., Даниел пишет: «Право же, по мере накопления радиоуглеродных дат нет надобности применять ярлычки типа «докерамический неолит В» или «средний халколит». Можно использовать общую терминологию американских археологов, тогда выяснилось бы, что Мелларт пишет об архаическом и формативном перио-

дах древневосточной преистории, а Меллоуэн и Олдред — о раннеклассическом периоде Древнего Востока. Как пишут Уилли и Филиппс, локальные колонки — это собственный материал археологии, и нам никогда не обойтись без наших «Урук-IV» или «Ниневийский-I» и др.».

Признав, что «может быть, и остается место для подразделений XIX века (технологическая модель)» в первичном препарировании археологического материала или между этим уровнем и более высоким, Даниел отказывает им в доступе в самую исследовательскую деятельность этого более высокого уровня — в обобщающую интерпретацию первобытной истории. «Брейдвуд не имел затруднений, когда писал о начале сельской жизни на Древнем Востоке — без этих вышедших из моды ярлычков; правда, Брейдвуд сам же написал маленькую книжку, в которой... использует все эти ярлычки, развившиеся из «трех веков» — и никто из рецензентов не отметил! Нам требуется простая очистка сознания (clearing of the mind) многих ближневосточных археологов: неолит и халколит — это бессмысленные и ненужные понятия. Опиши, что у тебя есть, терминами локальной колонки и общего значения и оставь Томсена и Леббока покоиться в мире. Быть может, нам и не хочется выбить из-под себя подмости, на которых кажется построенным наше знание, но это всего лишь подмости модели, и нам незачем тревожить их ... Старые подразделения и разработки системы трех веков Томсена и Ворсе и системы четырех веков Леббока более не являются содержательными. Это и не удивительно: как раз столетие с тех пор, как вышли в свет *Prehistoric times*» (Daniel 1965: 245-246; см. также его: 1950: 249-251, 274; 1967: 265-270).

Прошло еще тридцать лет. «Ярлычки» Томсена и Леббока всё еще живут. Впрочем, путаница тоже не исчезает. Как и призывы в духе Даниела. Недавно с таким «манифестом» (его собственное определение) выступил молодой археолог Изток Саксида. Начав с критического анализа понятия «мезолит», он призвал «отбросить и заменить традиционную трехчленную эволюционную схему, основанную на идеологической приверженности XIX века к технологическому развитию» (Saksida 1991: 27).

Рекомендация Даниела отказаться от «системы трех или четырех веков» в пользу «локальных колонок» странным образом перекликается с убеждением Бернштама: «Классификации, с моей точки зрения, могут быть только региональными, особенно для античной и средневековой эпох» (Бернштам 1949: 21). Как это ни парадоксально, не так уж сильно отличаются элегантные гиперскептические *bons mots* respectableного Даниела от грубого марровского призыва Бернштама «категорически покончить с буржуазными формально-типологическими схемами и классификациями» (Бернштам 1949: 23). Крайности сходятся.

Даниел решительно выступает и против «системы трех революций» (Daniel 1968: 184-185). Между тем, его двойственное отношение к позиции Брейдвуда не случайно. В одном аспекте он поддерживает продолжателей Чайлда и критикует их лишь за непоследовательность в отходе от принципов технологической периодизации. Они изменили содержание периодизации — он советует отбросить и термины. Действительно, в этом есть своя логика. Но именно при такой «очистке сознания» становится ясно, сколь далеко ушли последователи Чайлда от первоначально намечавшихся позиций.

Даниел действительно гораздо более последователен. Его собственные гиперскептические взгляды на проблему периодизации являются выражением его общей философской доктрины релятивистского толка. Доктрина эта очень недурно согласуется с кризисом «системы трех/шести веков», потому что отвергает реальность каких-либо периодов вообще.

6. Условная схема или постижение реальности? В своем «Введении в археологию» шведский археолог Карл-Аксель Муберг (Moberg 1969: 136-137; 1976: 140-141) поместил раздел «Иллюзии периодизаций» (можно перевести буквально: «Иллюзии систем периодов»).

Он обращает внимание на наши обычные синхронистические таблицы с вертикальными линиями, разделяющими регионы, и горизонтальными прямыми, разделяющими периоды. Границы между периодами гипотетичны, говорит автор. Мы можем с уверенностью утверждать, что 500 год до н.э. попадает в гальштат, а находка, датируемая 100 или 200 годом н.э., — в римский железный век. Но мы не можем столь же уверенно утверждать, что гальштат продолжается с 700 по 500 г. до н.э., а римский железный век — с рубежа н.э. до 400 г. Вот эти рубежи — условность. На деле мы не знаем точные даты начала и конца периода, да таких четких рубежей и не было в действительности. Их тогда никто не объявлял, большей частью не было и соответствующих поворотных событий. Некоторые исследователи проводят на таких таблицах не горизонтальные прямые, а пунктирные линии или — чаще — косые (наклонные) прямые, чтобы так обозначить нечеткость, расплывчатость рубежей.

К тому же в колонке по вертикали следуют унифицированные периоды, а на деле они установлены по разным источникам и критериям — то по погребениям, то покладам, то по слоям поселений и т.д., а хронологические особенности этих памятников различны. Погребения, особенно женские, архаизируют период, ибо старуху хоронили нередко в ее старом подвечном уборе, да и вообще погребальный ритуал консервативен. Слой поселения отлагался постоянно и отражает каждый момент его актуальными вещами, но зато в отличие от погребений он редко дает замкнутые комплексы и его

хронология несколько размыта и местами сжата. Об этих различиях пишет и Эггерс (Eggers 1959), большой мастер хронологии. Сказывается и материал: по металлу могут выявиться одни периоды, по керамике — другие, с рубежами на разных участках шкалы. А на таблице все эти различия смазаны. Наконец, таблица ригидна, как и всякая схема вообще. А хронология никогда не бывает «готовой», «завершенной», говорит Муберг.

Но всё это предупреждает нас об опасности принимать приблизительные определения периодов, не вполне совпадающие по разным критериям, за точные и единообразные. Отрешимся, однако, от проблемы точности. А само выделение периодов — сколь оно реалистично?

Говоря о том, что эгейская периодизация слишком стройна, я имел в виду ее бросающуюся в глаза искусственность: весь бронзовый век Крита делится на три периода, каждый из них в свою очередь тоже на три подразделения, и точно так же членятся кикладский и эладский материалы бронзового века. Эта стройность очень подозрительна. В реальности так не бывает.

И действительно, через несколько десятилетий после создания началось корректирование этой красивой схемы. Среднеминойский II и Позднеминойский II оказались чисто дворцовыми периодами — они есть только в Кноссе и Фесте, а на периферии ни Среднеминойский, ни Позднеминойский не делятся на три подпериода, а только на два. Ф.Матц в «Кембриджской Древней Истории» предложил корреляционную таблицу типа турнирной, в которой показывает, что периоды, выделенные по архитектурным стилям, не совпадают с периодами, выделенными по керамике, — рубежи слегка сдвигаются. Местный археолог Платон вообще выступил против всех этих ранне- и т.д. -минойских периодов. Основные рубежи в культурной истории Крита, по его мнению, приходятся совсем не между ними, а падают на середину Раннеминойского III и между Среднеминойскими II и III. То есть ранжирование сечений не соответствует действительному делению процесса культурного развития, отложившемуся в материале. Платон соответственно разделил эту историю на До-дворцовый период, Перводворцовый, Новодворцовый и Последдворцовый (Prepalatial, Protopalatial, Neopalatial, Postpalatial). Правда, каждый из них — на три, как в старой периодизации.

Но огромные коллекции рассортированы по старой схеме и, начав всё менять, мы породили бы страшную путаницу. Схема оставлена прежней, а всякий раз, применяя ее, надо помнить, что это не схема развития культуры, а только схема для хронологической сортировки материала. Впрочем, здесь мы задеваем вопрос о соотношении археологической периодизации не только с реальностью, но и с историей, а это особый вопрос — о нем дальше.

Схемы Монтелиуса, Софуса Мюллера, Рейнеке, Мюллера-Карпе с их различным количеством периодов и «нестройным» членением явно исходили из материала, а не были наложены на него произволом исследователя. Но гарантирует ли это нам соответствие реальному ходу развития культуры? Многое зависит от изученности местности на время создания схемы (нет ли лакун), от специфики материала (металл, керамика, структура могил). Корректировку периодизации бронзового века Монтелиуса предложил для Дании Клаус Рандсборг. Тонким анализом он установил, что в периоде III западная и восточная половины Ютландии развивались неравномерно. В начале периода запад опережал и в отстающей восточной части продолжалось еще существование типов периода II (Рандсборг именует его суб-периодом II), зато в конце периода III восток вырвался вперед и аналогичный затяжной эпизод (суб-период III) образовался на западе, когда на востоке уже начался период IV (Ransborg 1968; 1972). Такую же корректировку для схемы Рейнеке предложил другой Клаус — Клаус Гольдман. Проверив сериацией средний бронзовый век в Центральной Европе, он пришел к выводу, что этапы A1 и A2 частично параллельны с B и C (Goldmann 1990).

Как вообще происходит членение археологического материала на периоды?

Можно сказать, что при грубом членении, когда еще детализация невозможна, периоды воспринимаются как горизонты и, хотя им отводятся интервалы времени, на деле материал внутри каждого воспринимается как однородный и одновременный. То есть дата берется точная, а период создается как бы вокруг нее (мы понимаем, что на деле всё наоборот: она должна оказаться усреднением неопределенных дат объектов, относящихся к этому периоду). При продвинутом же исследовании уже горизонты воспринимаются как периоды, хотя и короткие, и их точечные даты растягиваются в интервалы.

В пределе можно представить не только любой период, но и всю периодизацию как бесконечное множество последовательных горизонтов с минимальными отличиями друг от друга. Сколь близок подобный континуум реальному развитию? Есть исследователи, которые считают, что реальное развитие именно таково. Можно взглянуть, например, на последовательный ряд горшков в статье Дж. Форда (1962). Горшки в этом ряду изменяются очень постепенно, каждый лишь едва отличается от соседних по ряду. Форд считает, что периоды и горизонты выделяются произвольно или случайно — на какие пункты континуума падет случайный выбор (первыми попались исследователю), те пункты и станут ядрами периодов, а между ними пролягут границы. Если бы случайно выбор пал на эти промежуточные пункты, где сейчас границы, там и очутились бы центры периодов — вся

сеть периодов была бы сдвинута.

Этот взгляд не нов. Сам Монтелиус как истый эволюционист считал, что процесс развития всегда протекал равномерно и непрерывно. «Резких границ между разными периодами бронзового века не найти» (Montelius 1985: 84). Если перерывы постепенности отмечаются, то это просто результат недостачи материала — missing link. Современные археологи Томас и Эрих объясняют неурядицы с периодизацией тем, что мы «делим непрерывное культурное развитие на ряд статичных стадий», тем самым омертвляя его и схематизируя. Они напоминают, что вся периодизация опирается на классификацию, а это процесс субъективный и результаты его условны. Периоды не священны (sacrosanct), их можно и переклассифицировать (Thomas, Ehrlich 1969: 143). Штрам формулирует свое убеждение так: «Поскольку не происходило по замкнутым в себе и везде одинаково протекающим ступеням, периодизация не может иметь однозначной реальной основы» (Strahm 1981: 191).

Франсуа Борд так определяет мустье в внешней периодизации: «Мустье — это разрез, сделанный человеческим разумом ради удобства через непрерывную эволюцию палеолитической материальной культуры. Этот разрез простирается во времени, так что невозможно определить временные и пространственные границы мустье. Можно лишь выделить мустьерскую стадию эволюции» (Bordes 1977: 37). Правда, кажется, эту особенность Борд относит только к мустье. По Форду, все периоды таковы. И такова же исходная позиция Г.Даниела и С. Пиготта.

По их представлениям, в самом материале нет определенной структуры и нет нарезанных темпоральных рубежей, как не было их и в самом времени, в самих культурно-исторических процессах. Они были текучи и непрерывны; материал, если отрешиться от его фрагментарности (а от нее надо отрешиться), представляет собой плавный континуум. Это мы укладываем его в рамки некой схемы, нарезаем в нем рубежи и проецируем их на время. «В некотором смысле бронзовый век никогда не существовал в прошлом, — эпатировал археологов С.Пиготт (Piggott 1960: 5). — Это нечто от стенографического жаргона археологии, если угодно, для обозначения стадии развития на шкале локальной колонки, при условии, что эта колонка рассматривается в рамках технологической модели».

«Система трехшести веков» это всего лишь «технологическая модель», наложенная на материал. Можно наложить другую модель — получим другой рисунок: у эволюционистов — свой, у миграционистов — свой, у марксистов-стадиалистов — свой и т.д., все одинаково условные (Daniel 1971). Всё это не факты, а идеи, идеи преистории. «Такова моя идея преистории», — заключал Даниел (Daniel 1950). А его идея не условность? Отвечает ли она характе-

ру нашей науки?

Поскольку периодизация есть разновидность классификации, эти познавательные проблемы — те же самые, о которые спотыкаются классификаторы. Я рассматривал их подробно в книге «Археологическая типология», к которой и отсылаю читателя (Клейн 1991: 73-81, 86-98, 172-180). Я не могу считать классификацию (любого рода, включая периодизацию) чистой условностью. Главное мое возражение заключается в том, что материал культуры, взятый на сколько-нибудь значительном протяжении, не является равномерным континуумом. Мир дискретен, и культура дискретна. Многие периодизации вполне условны, все периодизации в какой-то мере условны. Но этими частично условными схемами мы постигаем реальность.

Софус Мюллер характеризовал смену стилей так: «Перемена полная и основательная — происходила революция в тогдашних вкусах». И добавлял объяснение в духе диффузионизма и индивидуализма: «Вероятно, со временем, с умножением находок, окажется возможным установить момент, когда появился новый стиль под влиянием одного-единственного художника» (Müller 1909: 90).

Дискретность в периодизации постулировали и советские археологи, критикуя эволюционизм. Стадиальность, проповедовавшаяся ими с угасающим энтузиазмом со второй половины 20-х годов до конца 40-х, должна была отличаться именно резкими подъемами с уровня на уровень, своего рода революциями, в которых видели реализацию «диалектических скачков» марксистской философии. Однако всё это было только в теории. На практике и стадиалисты очень интересовались промежуточными звеньями — «стадиальными переходами». Да и в теории механизм скачка оставался без разработки и объяснения. Как раз в зарубежной науке объяснения предлагались (конечно, не диалектическим скачкам, а разрывам континуума) — таковы гипотеза Эрнста Вале о латентном становлении культур (разработке новаций мелкими группами, неуловимыми для археологии) и применение Колином Ренфру математической «теории катастроф».

Когда же советская археология отказалась от «теории стадиальности» и увлеклась этногенезом, происхождением народов, выявлением генетических связей культур и поисками континуума развития на землях родины, оказалось, что очень мало есть археологических культур, происхождение которых устанавливается легко, с очевидностью. Большей частью приходилось выдвигать по несколько взаимоисключающих гипотез. Происхождение каждой культуры оказывалось загадкой. Между каждой культурой и предшествующими зияет разрыв, если не во времени, то в традициях, а часто и в том и в другом. Поневоле археологи обращаются к обычным объясняющим гипотезам — миграци-

ям, влияниям, социальным потрясениям.

В данном контексте важно, что интуитивно археологи сознают и признают дискретность материала в протяженности времени, а к постулированию равномерного континуума обращаются только в теоретических конструкциях, призванных обосновать отказ от выявления реаль-

ных рубежей развития. К сожалению, пока не разработаны понятия и термины различения между периодами, претендующими на отражение реальных рубежей, и периодами заведомо условными, долженствующими лишь облегчить прослеживание изменений и группировку памятников во времени.

III. Выбор критерия

1. Корни разногласий. Корень зла, по-моему, в том, что для многих археологов сохраняет полную силу подспудное убеждение: в археологическом материале возможна только одна периодизация, общепериодическая, она же историческая вообще. Многие убеждены, что в нашей науке не может быть двух и более периодизаций широкого значения. Если же окажется несколько периодизаций первобытности, то либо они должны совпасть в своих звеньях, либо одна из них верная, а остальные — неверные.

Между тем, археологический материал не только фрагментарен и полисемичен, что делает единую верную трактовку труднодостижимой и разные трактовки — по крайней мере, на первых порах — правомерными. Предполагается, что позже в ходе конкурентной борьбы ложные должны отсеяться, а верная — выявиться и утвердиться. Археологический материал, оставшийся от древней культуры, характеризуется еще и сложностью, многоаспектностью, а это значит, что из разных его трактовок многие или, по меньшей мере, некоторые могут оказаться верными одновременно — каждая в своем аспекте.

Хилл и Эванс (Hill, Evans 1972) убедительно показали, что в вопросе о классификациях ситуация именно такова. А периодизация есть по своей структуре лишь разновидность классификации.

Значит, прав Даниел? Отчасти. За Даниелом и Пиготтом та заслуга, что они обратили внимание археологов на неправомочность погони за одной-единственной трактовкой и на наивность объявления ее (или какой-то другой) единственно верной. Но в их глазах всякая конкретная трактовка на этом основании теряет состоятельность и привлекательность. Споры о них утрачивали смысл. Что спорить, если все они одинаково верны и одинаково условны? Между тем, они не все одинаково верны, и многие вовсе не условны. В каждом аспекте возможна только одна верная трактовка, и если есть несколько, то это правомерно лишь поначалу, когда материала мало или борются несколько теоретических предпосылок. Спор должен решить, которая из нескольких трактовок верна.

Особенно остро положение об одной-единственной периодизации держалось среди археологов-марксистов — тем более, что оно соответствовало общей догме, что марксизм есть единственно верная доктрина, а всё остальное

— не более, чем ересь. Единственно верной доктрине соответствовали избранные единственно верные положения, маленькие доктрины, во всех отраслях науки и во всех их разделах. В том числе и в вопросе о периодизации.

Считалось необходимым для марксистского археолога трактовать технологическую периодизацию как общеисторическую. Такое же значение придавалось и системе «трех революций», в еще большей мере — периодизациям по социоэкономической структуре, по видам собственности, организации труда и т.п. И тогда в конкуренции этих периодизаций должен был решаться вопрос, которая из них «более историческая», лучше соответствует развитию производственных отношений и т.п. Но так как социоисторические критерии звучали более по-марксистски, чем чисто технологические, то на деле необходимость избрать какую-то одну схему приводила к исключению технологической периодизации из археологии, что как раз не вяжется с исследовательскими установками и интересами марксизма в археологии.

Любопытно, как аттестуется «система трех веков» в учебнике Авдусина: «В книге принято обычное археологическое деление первобытной истории на каменный, бронзовый и железный века. С появлением письменных источников эта периодизация по материалу орудий труда перестает отражать главные исторические изменения, и далее изложение археологического материала по истории классовых обществ ведется по социально-экономическим формациям: рабовладельческой и феодальной» (Авдусин 1958: 5). Если иметь в виду под «главными историческими изменениями» этапы развития производственных отношений, то их «система трех/шести веков», как, впрочем, и «трех революций», ни при каких условиях не «перестает» отражать, так как никогда и не отражала. Если же иметь в виду значимость изменений в орудиях для всего исторического развития, то таковая с изобретением письменности и не была утрачена, по крайней мере, с точки зрения марксизма.

Равдоникас (1930: 19) предлагал расширительное понимание самого слова «технология» и считал возможным раскладывать по общественным формациям не только орудия труда, но и «предметы, не входящие в состав средств производства ... Возьмем историю жилища. Разве не запечатлелась история общественных

формаций в следующих, например, последовательно возникавших типах жилища: 1) пещера, 2) свайная деревня... или славянское городище..., 3) феодальный замок в соединении с крестьянской избой, 4) современный городской буржуазный дом со множеством разобщенных квартир и со специальными подвальными и полуподвальными квартирами для рабочих, 5) один из домов-коммун, строящихся в СССР, рассчитанных на социализацию быта? То же можно проследить на истории поселения в целом, на истории одежды, на истории потребления пищи, на способах украшения тела и т.д. и т.п.... В основном, мне кажется, и данная категория явлений материальной культуры всесторонне охватывается технологией при широком толковании последней».

Между тем, периоды истории шляп вряд ли совпадут в количестве и хронологических рубежах с формациями. Первобытные люди жили не только в пещерах, но и в домах разного типа, а современные коммунальные квартиры оказались отнюдь не прогрессивнее «разобщенных». Развитие социально-экономических отношений отражалось в жилищах и одежде не так прямо и жестко, как это виделось Равдоникасу.

В позднейшей литературе теоретическое обоснование этого, так сказать, периодизационного монизма четче всего дано у Б.Б.Пиотровского. «Каждый общественный строй, — пишет он, — при всем многообразии сторон и процессов представляет собой единство явлений, связанных друг с другом и зависимых друг от друга... Определенная совокупность общественных элементов производительных сил, характеризующих уровень их развития, а также уровень соответствующих им производственных отношений, может рассматриваться как определенная ступень развития материальной культуры. Другими словами, определенный уровень развития производительных сил обязательно соответствует определенному характеру памятников культуры. Это соответствие распространяется и на характер идеологических представлений ... Связь характера материальной культуры с закономерным прогрессивным развитием производительных сил создает комплексы материальной культуры, одинаковые по характеру, но возникающие часто независимо друг от друга на различных территориях. Это особенно хорошо видно на примере энеолитических культур, распространенных на очень широкой территории в период от V до I тыс. до н.э.» (Пиотровский 1961: 17-18).

Такое прямолинейное и безоговорочное совмещение ступеней развития производительных сил со ступенями развития производственных отношений и распространение полученной схемы на всю историю культуры представляется этим авторам и некоторым другим археологам последовательной реализацией принципов марксизма. Так ли это? Не окажется ли, что в такой

постановке, унаследованной от «теории стадильности», вопрос чрезмерно упрощен? Здесь, возможно, и реализованы принципы марксизма, но голые принципы, без необходимых ограничений и оговорок. То есть скорее здесь реализован жесткий и непримиримый дух марксизма. Нужно было бы ввести принятую в историческом материализме поправку на запаздывание надстройки по отношению к базису и производственных отношений — к производительным силам. Нужно было бы, как это делалось в марксистской науке на ее позднем этапе, констатировать, что в культуре есть и разделы с преобладанием эволюционных тенденций развития (как в языке), со сквозным преемственным и постепенным накоплением и такой же заменой элементов. Но ограничиться этим недостаточно. Суть дела глубже.

Марксизму, конечно, чужд плюрализм, рассматривающий историю общества как следствие взаимодействия равноправных факторов. Но и марксизм постепенно отучался абсолютизировать принцип субординации факторов, с безусловным приматом производства. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс еще писали: «...мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития...» (Маркс и Энгельс 1845-46/1955: 93-94).

Позже, однако, сами основоположники марксизма предупреждали против абсолютизации примата производства, говорили об обратных воздействиях надстроечных явлений на базисные (Маркс 1958: 736; Энгельс 1965: 394, 396 и др.). «Относительно искусства известно, — писал Маркс (1958: 736), — что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего...». Энгельс (1965: 415) писал, что «там, где существует разделение труда в общественном масштабе, отдельные процессы труда становятся самостоятельными по отношению друг к другу. Производство является в последнем счете решающим. Но как только торговля продуктами обособляется от производства в собственном смысле слова, она следует своему собственному движению ... Это движение имеет свои собственные фазы ...».

Положения об относительной самостоятельности развития надстроечных явлений давно вошли в учебники исторического материализма (Константинов 1951: 542-548, 556, 559; Келле, Ковальзон 1962: 110-118, 340-345). В постсталинские годы *принципу относительной автономности и известной самодетерминированности* различных сфер жизни общества уделялось особое внимание в работах советских историков и археологов (Журавлев 1961; Формозов 1966: 5, 13, 15-16, 28, 113-114; Гулыга 1969: 30-33; Гуревич 1969: 57-63) —

именно в связи с тем, что незадолго до того нашей науке была свойственна явная недооценка этого принципа.

Сейчас марксизм уже не является господствующей идеологией в нашей стране, и его позиции в мире изрядно поколеблены. Можно бы и не останавливаться подробно на марксистской аргументации, не опровергать ее и уж во всяком случае не апеллировать для этого к марксистским же авторитетам. Но, во-первых, идеология далеко не изжита, немало людей ею еще руководствуется. Во-вторых, порожденные ею научные положения давно живут независимо от ее сохранения, сами по себе, и обнажить их корни достаточно важно. А в-третьих, разбирая марксистскую аргументацию, мы имеем дело не только с марксизмом. Вернемся к пассажиу Пиотровского о связи всяческих компонентов в энеолите.

Поскольку нет общественного строя (в марксистском смысле, т. е. социально-экономической формации), который бы укладывался целиком в энеолит, то очевидно, что Пиотровский прилагает свои суждения и к более дробным периодам — этапам развития каждой социально-экономической формации. То есть что его аргументация имеет более общее значение, чем простая подстройка технологических периодов к пяти известным социально-экономическим формациям исторического материализма.

Более того, несмотря на марксистскую фразеологию этого пассажа, он вообще отражает не только марксистские представления об обязательных соответствиях. Стоит только подставить на место марксистских терминов («общественный строй», «производительные силы» и «производственные отношения») более обычные для западной науки выражения — «обеспечение пищей» (subsistence), «хозяйство», «социальная организация» и т.п., — как аргументация окажется пригодной и для эволюционистского позитивизма, и для функционализма или структурализма, и для системного подхода. Словом, для всех, кто грешил выдвиганием одной-единственной схемы периодизации. Просто Пиотровский с марксистской прямотой говорил о закономерных связях, которые другие лишь молча подразумевали.

По учению марксизма, развитие различных сфер жизни общества обусловлено развитием производства и *в конечном счете* усовершенствованием орудий труда. Однако даже в марксизме оно отнюдь не сводится к прямолинейному непосредственному отражению воздействий производства на остальных сферах. Более того, не каждое усовершенствование орудий непременно рождает перестройку общественной структуры. Не каждое явление в той или иной сфере жизни общества непосредственно детерминировано определенным событием в сфере производства. Оно может быть попросту следствием другого явления в собственной сфере,

в надстройке. Лишь *в общем и целом*, лишь *в конечном счете* ход развития всего общества обусловлен развитием производства. А, как съязвил известный марксист Эдуард Бернштейн, на практике этот конечный счет так никогда и не наступает.

К тому же, кроме ведущей детерминанты (производства) общественное развитие имеет и другие детерминанты (географическая среда, народонаселение). В каждой сфере кроме общих тенденций развития, обусловленных в значительной мере развитием производства, проявляются еще и собственные закономерности развития, собственные темп и ритм. Поэтому совпадение цезур, постулированное «теорией стадильности», вовсе не является правилом общественного развития.

Мне уже приходилось отмечать, что по ряду положений «новая археология» (процессуалистская археология) повторила идейные установки «теории стадильности» и раннего советского марксизма в археологии. Правда, у нее нет столь жесткого производственного детерминизма. Но в ее интерпретации системный подход предусматривает чрезвычайно жесткую взаимозависимость разных компонентов системы, от чего система изменяется вся сразу, а значит периодизация возможна только одна — для системы и для каждой ее части одна и та же. Опять же игнорируется тот факт, что на деле зависимость элементов в системе самая разная — от полной до нулевой.

Современная «пост-процессуалистская» археология включила в себя традиции западного марксизма в соединении с релятивизмом, идущим от Даниела. Однако эта «гремучая смесь» пока сказывается больше в теоретических декларациях, чем в практике исследований. Поскольку она сжимает перспективу времени, сливая прошлое с настоящим, периодизация вообще мало ее интересует. Однако пост-процессуализм очень эклектичен. От французской «школы Анналов», от Броделя пост-процессуалисты заимствовали идею разного ритма процессов в разных сферах культуры («перспективизм» Бэйли), а это скорее льет воду на мельницу множественности периодизаций.

Итак, для каждой сферы развития, представленной археологическими материалами, можно и должно строить свою собственную периодизацию, как и свою историю — историю техники, историю хозяйства, историю социальных структур, историю культуры. Говоря терминами марксизма — историю производительных сил, историю производственных отношений. Сравнительное значение этих периодизаций для истории общества в целом будет определяться тем местом, которое занимает данная сфера жизни в истории всего общества. Одна (развитие орудий) является важным фактором развития, по марксизму — главным, но сказывается в остальных сферах опосредствованно и не сразу. Дру-

гая (перестройка производственных отношений) бурно, непосредственно и далеко проникает в надстроечные сферы, но, к сожалению, труднее реконструируется по археологическим остаткам.

Из приведенных выше формулировок Черных относительно технико-хозяйственного характера традиционной археологической периодизации сам собой напрашивается вывод о возможности и необходимости также других археологических периодизаций, соответствующих другим сторонам развития культуры. Но такая оговорка, к сожалению, этим исследователем не была сделана. Системы «трех/шести веков» и «трех революций» всегда подаются как взаимоисключающие друг друга периодизации — недаром они претендуют на исключительное пользование одной и той же терминологией. На деле они просто отображают различные стороны развития культуры, различные сферы истории общества. Вероятно, к ним прибавится еще не одна.

2. Значение «технологической» периодизации. Однако «технологическая», или точнее, «техничко-технологическая» периодизация, развившаяся из «системы трех веков», сохраняет для науки особое значение. Она позволяет наладить научную проверку исторического материализма: является ли производство важнейшей детерминантой общественного развития. А научная проверка и ревизия марксизма надолго станут одним из главных пунктов повестки дня социальных наук. Именно сопоставление этапов этой периодизации с этапами других периодизаций, не задающееся целями непременно совмещения, позволяет проследить, как изменение технологии и техники сказывается на развитии других сфер жизни общества в различных конкретных условиях. Именно таким сопоставлением можно установить, какие следствия этого воздействия являются быстрыми и всеобщими, а какие — частными, локальными, не обязательными.

Так, введение металлургии было тесно связано с зачатками естественнонаучных знаний (геологических, химических, физических), влекло за собой быстрое выделение кузнечного ремесла и появление внутриобщинного обмена. Это углубляло специализацию районов и сильно расширяло торгово-обменные отношения между общинами, стимулируя общий резкий рост культурных связей и обмен изобретениями (Childe 1930: 1-12). Бронзовый век, как отмечал Чайлд, «указывает не только приблизительную позицию культуры в некоей последовательности, но и сообщает много чего еще о ее технических потенциях — не только об овладении металлургией, но и о возможности делать вещи, требующие металлических орудий, как, скажем, колеса; иногда о ее хозяйстве, по крайней мере о торговле, и даже о ее социологии, существовании выделенных специалистов» (Childe 1956).

Что же касается повышения производитель-

ности труда от применения металлических орудий, то оно оказывалось разным в разных условиях. В Нижнем Подунавье производящее хозяйство было достигнуто до освоения металла — в Караново I есть земледелие и скотоводство, а меди нет (Мерперт 1981: 8). А там, где есть металл? В вечнозеленой зоне и на орошаемых землях достигнутого уровня оказалось достаточно для построения классового общества (рабовладельческое хозяйство, города, государственный аппарат, письменность и т.п.). В умеренной зоне производительности хватало только на достижение зачатков классовой дифференциации и эксплуатации (накопление излишков, выделение родоплеменной знати, патриархальное рабство). А на лесном севере Восточной Европы новых технических достижений даже едва хватало, чтобы сменить присваивающее хозяйство производящим. Таким образом, здесь введение металлических орудий было эквивалентно по своему эффекту тому, что на юге достигалось усовершенствованием техники кремня.

Думается, выяснение всей совокупности причин современной неурядицы с понятиями «палеолит», «неолит», «энеолит», «бронзовый век» и т.д. связано с уточнением задач технико-технологической периодизации археологического материала и ее места в современной науке. Такое уточнение будет способствовать дальнейшей разработке этой периодизации, как и правильному определению роли и места других.

Собственно говоря, и развитие техники можно ведь членить иначе — не только по ведущему материалу и главным приемам обработки, но и по ведущему принципу структуры орудий. Скажем, так: простые посредники — механизмы — машины с двигателями — автоматы — роботы. Но это была бы неудобная для археологов периодизация: почти весь материал археологии уложился бы в первую стадию. Намто нужно хорошее членение эволюции техники именно в ее ранней части! Это и дает наша традиционная периодизация.

Она удобна для археологов еще по одной причине: позволяет непосредственно упорядочивать неполно изученные комплексы и даже фрагментированные материалы. Она дает возможность примеривать их к общей шкале уровня культурного развития в данной местности, не дожидаясь проведения сложных и длительных процедур исторической реконструкции и интерпретации, не ставя исследователя в зависимость от их гипотетических выводов. По своим связям и конечным целям археология — историческая наука. Как таковая она нуждается в инструменте, который бы позволял уже на ранних этапах исследования оценивать культурно-эволюционную позицию обнаруженного источника. Таким инструментом и является археологическая периодизация — шкала, модель, схема.

Тут проясняется, что это, в сущности, вовсе

и не периодизация техники, и даже не периодизация одного ее аспекта. Если уж быть точным, то это вообще не периодизация, поскольку время в археологии не дано исследователю непосредственно. То, что мы называем археологической периодизацией, в методическом плане сильно отличается от периодизации в истории и реализуется скорее в другом своем аспекте. Это *хронологическая классификация* — так ее и называл Самоквасов (1892). Это *классификация комплексов и археологических культур, построенная так, чтобы в ней наиболее адекватно отразился прогресс техники*. Для такой цели избран *один из аспектов* этого прогресса — наиболее удобный для *прослеживания и ранжирования по археологическим остаткам*.

Но это и есть археологически правильный подход. Это и есть естественный для археологии способ выявлять развитие и членить его. Пусть это не вполне периодизация, не настоящая периодизация. В рамках археологии только такого рода периодизация возможна. Она

столь же отличается от периодизации в подлинном смысле слова, сколь археология — от истории. Но и столь же близка к ней, столь же необходима для нее.

Да, полтора столетия минуло со времени перестройки Томсеном экспозиций Копенгагенского музея, более ста лет — со дня выхода в свет книги Леббока, почти столько же — со введения термина «мезолит»... Но ведь и понятие «тип» применено Гильдебрандом и Монтелиусом не вчера, Герхардова классификация греческих расписных ваз в «Rapporto Volcente» одновременно работе Томсена, а тезис «стиль — это эпоха» был выдвинут Винкельманом более двухсот лет тому назад. Можем ли мы, положив руку на сердце, сказать, что все эти достижения имеют ныне только историческое значение? Задача науки — не только размышлять (это важно), и не только строить (это еще важнее), но и бережно сохранять всё то, что заслуживает сохранения. Кому это знать лучше, чем археологам?

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д. А. 1967. Археология СССР. М., Высшая школа.
- Аникович М. В. 1992. К определению понятия «археологическая эпоха». // СА, 1: 85-94.
- Амальрик А. С., Монгайт А. Л. 1966. В поисках исчезнувших цивилизаций. М., Наука.
- Арешян Г. Е. 1980. Культурно-историческое объяснение в археологии. // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. Тезисы... Ашхабад, Ылым: 12-13.
- Арциховский А. В. 1929. Новые методы археологии. // Историк-марксист, 14: 136-155.
- Арциховский А. В. 1955. Основы археологии. М., Госполитиздат.
- Бернштам А. Н. 1949. К пересмотру формально-типологических схем. // КСИИМК АН СССР, 29: 17-23.
- Борисковский П. И. 1954. Вопросы периодизации палеолита. // СА, XXI: 30 — 37.
- Борисковский П. И., Замятин С. П. 1934. Габриель де Мортилье. — Проблемы истории докапиталистических обществ, 7 — 8: 88 — 107.
- Брюсов А. Я. 1952. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., изд. Академии наук СССР.
- Быковский С. Н. 1933. К пересмотру археологической терминологии. // Проблемы истории материальной культуры, 5-6: 10-12.
- Воеводский М. В. 1950. Мезолитические культуры Восточной Европы. // КСИИМК АН СССР, 31: 96-119.
- Гладилин В. Н. 1989. Проблемы раннего палеолита. [Автореферат дис.]. Новосибирск, Институт истории, философии и филологии Сиб. отд. АН СССР.
- Гладилин В. Н., Ситливый В. И. 1986. Принципы археологической периодизации палеолита. // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». Улан-Удэ: 12 // 14.
- Гладилин В. Н., Ситливый В. И. 1990. Ашель Центральной Европы. Киев, Наукова думка.
- Городцов В. А. 1925. Археология, т. I. Каменный век. М. Григорьев Г. П. 1988. Эпохи палеолита как показатель развития. // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л., Наука: 13-15.
- Громов В. И. 1959. Принципы построения схемы периодизации палеолита. // Рабочее совещание по принципам периодизации и стратиграфии палеолита в Европе, октябрь 1959. Тезисы. М., Комиссия по изучению четвертичного периода при ОГН и Институт археологии АН СССР: 3-7.
- Громов В. И. 1961. Принципы построения схемы периодизации палеолита. [Доклад на Рабочем совещании... в 1959 г.]. // Труды Комиссии по изучению Четвертичного периода АН СССР, 18: 7-21.
- Даниленко В. Н. 1969. Неолит Украины. Киев, Наукова думка.
- Диков Н. Н. 1976. О некоторых общих принципах периодизации. // Экономическое и историческое исследование на Северо-Востоке СССР (Труды Северо-Восточного Комплексного Института Дальневосточного научного центра АН СССР, в. 67). Магадан: 218-224.
- Добрянов В. С. 1968. Методологические проблемы теоретического и исторического познания. М., Прогресс.
- Ефименко П. П. 1933. К вопросу о стадийности в истории доклассового общества. // Проблемы истории материальной культуры, 5/6: 80.
- Ефименко П. П. 1938. Первобытное общество. Л., Соцгиз.
- Журавлев В. В. 1961. Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания. М.
- Зализняк Л. Л. 1980. К проблеме определения мезолита как эпохи. // Археологические исследования на Украине в 1978 — 1979 гг. Тезисы... Днепрпетровск, Академия наук УССР и др.: 31-33.
- Захарук Ю. Н. 1988. «Система трех веков» и проблема человек и природа. // Природа и человек. Под ред. В. И. Марковина. М., ИА АН СССР: 6-20.
- Збенович В. Г. 1985. До проблемы становления енеолиту. // Археологія (Київ) 51: 1-11.
- Келле В., Ковальзон М. 1962. Исторический материализм. Курс лекций. М.

- Клейн Л. С. 1991. Археологическая типология. Л., Академия наук СССР.
- Крайнов Д. А. 1970. Некоторые вопросы становления человека и человеческого общества. // Ленинские идеи в изучении истории человеческого общества, рабовладения и феодализма. М., Наука: 17-22.
- Кричевский Е. Ю. 1940. Мезолит и неолит Европы. // КСИИМК АН СССР, 4: 6-12.
- Маркс К. 1846/1962. Письмо П. В. Анненкову. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2. М., Госполитиздат, т. 27: 401-412.
- Маркс К. 1847/1955. Нищета философии. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. М., Госполитиздат, т. 4: 65 — 185.
- Маркс К. 1867/1960. Капитал. Том I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. М., Госполитиздат, т. 23.
- Маркс К. 1903/1958. Введение к критике политической экономии. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. М., Госполитиздат, т. 12: 709-738.
- Маркс К. и Энгельс Ф. 1845-46/1955. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2. М., Госполитиздат, т. 3: 7-544.
- Массон В. М. 1964. Средняя Азия и Древний Восток. Москва Л., Наука.
- Массон В. М. 1966. От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества. // Доклады и сообщения археологов СССР (VII Международный конгресс доисториков и протоисториков, Прага). М., Наука: 150-166.
- Массон В. М. 1968а. Проблема неолитической революции. // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1967 г. М., АН СССР: 14-16.
- Массон В. М. 1968б. К вопросу о «городской революции». // 4-я сессия по Древнему Востоку. Тезисы, М., ЛОИНА: 15 — 16.
- Массон В. М. 1982. Введение. Постановка вопроса. Понятие «энеолит». // Археология СССР. Энеолит. М., Наука: 5-8.
- Массон В. М., Мунчаев Р. М. 1977. Энеолит СССР. // Новейшие достижения советских археологов. Тезисы пленарных докладов Всесоюзной конференции. М.
- Матющенко В. И. 1977. О понятии «энеолит» применительно к таежной части Сибири. // Тезисы пленарных и некоторых дискуссионных докладов VI Уральского археологического совещания (Нижний Тагил. Март — апрель 1977 г.). М. : 18 — 20.
- Мерперт Н. Я. 1981. К вопросу о термине «энеолит» и его критериях. // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, изд. Воронежского университета: 4-21.
- Николова А. В. 1990. До співвідношення хронології та періодизації. // Археологія (Київ) 3: 14-24.
- Памяти Карла Маркса (передовая статья). // СА 1958, 2: 3-8.
- Першиц А. И. 1960. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. // Труды Института этнографии АН СССР, нов. сер., LIV, М. — Л., изд. АН СССР: 151-172.
- Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. 1968. История первобытного общества. М., Высшая школа.
- Пиотровский Б. Б. 1961. О характере закономерностей в истории культуры. // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М. (АН СССР): 15-20.
- Равдоникас В. И. 1930. За марксистскую историю материальной культуры (Известия ГАИМК, т. 7, вып. 3-4). Ленинград.
- Равдоникас В. И. 1939-1947. История первобытного общества. Ч. 1 — 2. Л., издат. Ленинградского университета.
- Ранов В. А. 1984. О соотношении хронологии и периодизации палеолита. // Проблемы исследования каменного века Евразии. Тезисы... Красноярск. С.41 — 43.
- Рыбаков Б. А. 1968. Советская археология за 50 лет. // Вопросы истории, 1: 28-37.
- Рындина Н. В. 1978. К проблеме классификационного членения культур медно-бронзовой эпохи. // Вестник Московского университета, сер. ист., 6: 78-79.
- Самоквасов Д. Н. 1892. Основания хронологической классификации древностей. Варшава.
- Селимханов И. Р. 1966. Что мы знаем о древней бронзе Кавказа? // Природа, 12: 34-37.
- Семенов Ю. И. 1966. Как возникло человечество. М., Наука.
- Телегін Д. Я. 1992. Основні періоди історичного розвитку населення території України V — першій половині IV тис. до н.е. // Археологія (Київ) 4: 3-11.
- Тихонов Б. Г. 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и Приуралье. // МИА, 90.
- Толстов С. П. 1946. К вопросу о периодизации истории первобытного общества. // Советская этнография, 1: 25-30.
- Уваров А. С. 1910. О периодах. В каком отношении к русской археологии находится теория о трех периодах — каменном, бронзовом и железном? // Уваров А. С. Сборник мелких трудов. М.: 239-243.
- Форд Д. А. 1962. Количественный метод установления археологической хронологии. // СЭ, 1: 32-43.
- Формозов А. А. 1954. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. // СА, XXI : 38-51.
- Формозов А. А. 1966. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., Наука.
- Формозов А. А. 1970. О термине «мезолит» и его эквивалентах. // СА, 3: 6-11.
- Фосс М. Е. 1949. О терминах «неолит», «бронза», «культура». // КСИИМК, 29: 33-47.
- Чайлд Г. 1952. У истоков европейской цивилизации. М., изд. Иностранной литературы.
- Черных Е. Н. 1965. Спектральный анализ и изучение древнейшей металлургии Восточной Европы. // Археология и естественные науки (МИА, 129): 96 — 110.
- Черных Е. Н. 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы (МИА, 132). М., Наука.
- Черныш А. П. 1974. К вопросу о соотношении границ палеолита — мезолита и плейстоцена — голоцена и особенности развития материальной культуры и природной среды Прикарпатья // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., Наука.
- Энгельс Ф. 1965, 1966. Письма к разным лицам // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., тт. 37, 39.
- Agrawal D. P. 1971. The Copper Bronze Age in India. New Delhi, Munshiram Manoharlal.
- Bandi H. G. 1985. El sistema de los periodos en la investigación prehistorica, desde los origines a la actualidad // Quaderno Prehistorico de Arqueología Castilla 11: 1-15.
- Bandi H. G. 1986. Der Topfnick oder die unterschiedliche Wertung der Domestikation des Menschen //

- Festschrift Günter Smolla.
- Binford L. R. 1968. Post-Pleistocene adaptations // S. R. Binford, L. R. Binford (eds.). *New perspectives in archeology*. Chicago, Aldine: 313-341.
- Böhm J. 1937. Strlet systemu tři period // *Obzor prehistoricky*, r. X (1936 — 1937). Praha: 301-303.
- Böhm J. 1953. Studie o periodisaci pravekch dejin // *Památki Archeologické*, 44 (1): 1-32.
- Böhner K. 1981. Ludwig Lindenschmidt and the Three Age System // Daniel G. E. (ed.). *Towards a history of archaeology*. London, Thames and Hudson: 120-126.
- Bordes F. 1977. Time and space limits of the «Mousterian» // Wright R. V. S. (ed.). *Stone tools as cultural markers: change, evolution and complexity*. Canberra and New Jersey, Australian Institute of Aboriginal Studies and Humanities Press: 37-39.
- Braidwood R. J. 1952. *The Near East and the foundations for civilization*. Eugene, University of Oregon Press.
- Bradley R. 1986. *Methodological issues in the study of Bronze Age chronology* // *Archaeological results from accelerator dating*. Oxford: 151-154.
- Braidwood R. J. 1960a. Levels in prehistory, a model for the consideration of the evidence // Tax S. (ed.). *The evolution of man (Evolution after Darwin, vol. 2)*. Chicago, University of Chicago Press.
- Braidwood R. J. 1960b. The agricultural revolution // *Scientific American*, 203: 130-148.
- Burgess C. B. 1969. Chronology and terminology in the British Bronze Age // *Antiquaries Journal* 49: 22-29.
- Cailleux A. 1951. Développements futures probables des désignations chronologiques en préhistoire // *Bulletin de la Société préhistorique française* 48 (9 — 10): 467-468.
- Chapman J. 1982. The secondary products revolution // *Bulletin of the Institute of Archaeology (London)* 19: 107-122.
- Childe V. G. 1930. *The Bronze Age*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Childe V. G. 1936. *Man makes himself*. London, Watts.
- Childe V. G. 1942. *What happened in history*. Harmondsworth, Penguin.
- Childe V. G. 1944. Archaeological ages as technological stages // *Journal of the British Archaeological Institute*, LXXIV: 1-19.
- Childe V. G. 1950. The Urban revolution // *Town Planning Review* 21: 3 — 17.
- Childe V. G. 1953a. Old World prehistory: Neolithic // Kroeber A. L. (ed.). *Anthropology today*. Chicago: 193-210.
- Childe V. G. 1953b. Rev. of Pittioni 1952 // *Man* 53 (105).
- Childe V. G. 1956. *Piecing together the past*. London, Routledge and Kegan Paul.
- Childe V. G. *The dawn of European civilization*. 2d ed. London, Kegan Paul.
- Ciolek T. M. 1975. Metodologiczne zagadnienia tzw. systemu trzech epok // *Swiatowit*, 34: 339-342.
- Clark J. G. D. 1932. *The Mesolithic Age in Britain*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Coghlan H. H. 1990. British and Irish Bronze Age implements in the borough of Newbury museum. Newbury.
- Cole S. 1959. *The Neolithic revolution*. London (2d ed. 1961).
- Černych E. 1982. Periodisierung der Frühmetallzeit: allgemein oder regional? — *Atti X Sympos. Internat. Neolit. Età Bronz. in Europa*. Verona: 27-44.
- Daniel G. E. 1943. *The Three Ages: An essay in archaeological method*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Daniel G. E. 1950. *The idea of prehistory*. London, Watts.
- Daniel G. E. 1965. Editorial // *Antiquity*, 39 (156): 245-246.
- Daniel G. E. 1966. *Man discovers his past*. London, London, Duckworth.
- Daniel G. E. 1967. *The origin and growth of archaeology*. Harmondsworth, Penguin.
- Daniel G. E. 1968. *The first civilizations*. London.
- Daniel G. E. 1971. From Worsaae to Childe: The models of prehistory // *Proceedings of the Prehistoric Society*, 37: 140-153.
- Daniel G. E. 1975. *A hundred and fifty years of archaeology*. London, Duckworth.
- Daniel G. E. 1976. Stone, bronze, iron // Megaw J. V. S. (ed.). *To illustrate the monuments. Essays on archaeology presented to St. Piggott*. London, Thames and Hudson: 35 — 42.
- Dart R. A. 1957. The osteodontokeratic culture of «Australopithecus prometheus» // *Transvaal Museum Memoirs (Cape Town)* 10.
- Delcourt A. 1975. Problèmes de chronologie en préhistoire // *Bulletin de la Soc. et Rech. préhist.* 25: 70-77.
- Edwards Ph. C. 1989. Revising the Broad Spectrum Revolution: and its rôle in the origins of Southwest Asian food production // *Antiquity* 63 (239): 225-246.
- Eggers H.-J. 1959. *Einführung in die Vorgeschichte*. München, Piper.
- Feustel R. 1968. Evolution und Revolution im Ablauf der Steinzeit // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift* 9 (2): 120-147.
- Feustel R. 1969. Zur Problematik der «Protolithischen Knochenkultur» und der «Osteodontokeratic Culture» // *Alt-Thüringen* 10.
- Fischer U. 1974. Gedanken zur Benennung der urgeschichtlichen Perioden // *Fundberichte aus Hessen* 14: 1-7.
- Flannery K. V. 1969. Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East // Ucko P. J. and Dimbleby G. W. (eds.). *The domestication and exploitation of plants and animals*. London, Duckworth: 73-100.
- Flannery K. V. 1993. Childe the evolutionist. A perspective from Nuclear America // Harris D. R. (ed.). *The archaeology of Gordon Childe. Contemporary perspectives*. London, UCL Press: 101-112.
- Forbes R. J. 1950. *Metallurgy in antiquity*. Leiden.
- Forbes R. J. 1964. *Studies in ancient technology*. Vol. 9. Leiden.
- Gimbutas M. 1953. The earliest culture history of the Northern part of the European USSR // *Proceedings of the Prehistoric Society*, 19: 108-115.
- Goldmann K. 1990. Die mittlere Bronzezeit als Problem der Begriffs- und Zeitbestimmung // *Beiträge zur Geschichte und Kultur der mittleren Bronzezeit*. Berlin — Nitra, Bd. 1: 165-168.
- Gräslund B. 1974. *Relativ datering. Om kronologisk metod i nordisk arkeologi (Tor XVI)*. Uppsala, Gustavianum.
- Gräslund B. 1981. *The birth of prehistoric chronology*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Hajek L. 1957. Die Knöpfe der mitteleuropäischen Glockenbecherkultur // *Památky archeologické* 48 (2): 389 — 424.
- Harris D. R. 1990. *Settling down and breaking ground: Rethinking the Neolithic Revolution (Kroon-Vordrachten 12)*. Amsterdam, Nederlands Museum voor Anthropologie en Praehistorie.
- Häusler A. 1960. Die Grabsitten der mesolithischen und neolithischen Jäger- und Fischergruppen auf dem Gebiet der UdSSR // *Wissenschaftliche Zeitschrift der*

- Universität Halle, Ges.-Sprachwiss. 11 (10): 1141-1206.
- Häusler A. 1964. Übereinstimmungen zwischen den Bestattungssitten von Jäger- und Fischergruppen und der Kulturen des Donauländischen Kreises // Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege, 13: 51-72.
- Heizer R. F. 1962. The background of Thomsen's three-Age System // Technology and culture. The International quarterly for the history of technology. Summer issue. Detroit: 259-266.
- Hensel W., Tabaczyński S. 1978. Revolucja neolityczna i jej znaczenie dla rozwoju kultury europejskiej. Wrocław, Ossolineum.
- Hermansen V. 1934. C. J. Thomsens første Museumsordning. Et bidrag til Tredelingens Historie // Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie (København): 99 — 122.
- Hildebrand H. 1872. De arkeologiska perioderna // Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens (Stockholm) Månadsblad 1 (jan.): 2-10.
- Hildebrand H. 1886. Zur Geschichte des Dreiperiodensystems // Zeitschrift für Ethnologie, 18: 357-367.
- Hildebrand H. 1887. Treperiodssystemets uppkomst // Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademiens (Stockholm) Månadsblad, 175 — 177 (juli — sept.): 128-139.
- Hildebrand B. 1937 — 1938. C. J. Thomsen och hans lärda förbindelser i Sverige 1816 — 1837 (Kungl. Vitterhets och Antiquitets Akademiens Handlingar, 44). Stockholm.
- Hill J. N. and Evans R. K. 1972. A model for classification and typology // Clarke D. L. (ed.). Models in archaeology. London, Methuen: 231-273.
- Hole F. 1984. A reassessment of the Neolithic revolution // Paléorient 10: 49-60.
- Kendrick T. D. 1925. The Axe age. A study in British prehistory. London.
- Kirchner H. 1954. Bespr. Pittioni 1952 // Anthropos 49: 727-728.
- Klejn L. S. Die Konzeption des «Neolithikums», «Äneolithikums» und der «Bronzezeit» in der archäologischen Wissenschaft der Gegenwart // Neolithische Studien I. Halle und Berlin, Martin-Luther-Universität Halle — Wittenberg und Akademie-Verlag: 7-29.
- Krieger A. D. 1953. Basic stages of culture evolution // Tax S. (ed.). An appraisal of anthropology today. Chicago: P.247-250.
- Laplace G. 1966. Recherches sur l'origine et l'évolution des complexes leptolithiques. Paris, E. de Boccard.
- Lorenze J. L. 1961. La Révolution Néolithique en Mesoamerica. Mexico.
- Lubbock J. 1865. Pre-historic times, as illustrated by ancient remains, and the manners and customs of modern savages. London, Williams and Norgate.
- Malmer M. P. 1962. Jungneolithischen Studien (Acta Archaeologica Lundensia, ser. in 80, 2). Bonn — Lund, Habelt — Gleerup.
- Meinander C. F. 1961. De subneolitiska kulturgrupperna i norra Europa // Societas Scientiarum Fennica. Årbok 39 (4): 1- 23.
- Mellars P. A. 1981. Towards a definition of the Mesolithic // Mesolithic miscellany 2 (2): 13-16.
- Mellars P. A. and Stringer C. B. (eds.). 1989. The Human Revolution. Edinburgh, Edinburgh University Press.
- Menghin O. 1931. Weltgeschichte der Steinzeit. Wien, Anton Schroll.
- Moberg C.-A. 1969. Introduktion till arkeologi. Stockholm, Natur och kultur.
- Moberg C.-A. 1976. Introduction à l'archéologie. Paris, F. Maspero.
- Montelius O. 1885. Om tidsbestämning inom bronsåldern med särskild hänsyn till Skandinavien // Handlingar de Kongl. Vitterhets Historie och Antiquitets Akademien. Stockholm 30, ny följd 10.
- Montelius O. 1905. Det nordiska treperiodsystemet. En historik // Svenska fornminnesföreningens Tidskrift 12: 185-211.
- Moorey P. R. S. 1964. An interim report on some analyses of Luristan bronzes // Archaeometry 7: 72-80.
- Morgan J. J. M. de. 1924. Prehistoric man: A general outline of prehistory. New York, Knopf.
- Müller-Karpe H. 1969. Handbuch der Vorgeschichte. Bd II. Neolithikum. München, Beck.
- Müller-Karpe H. 1974. Zur Definition und Benennung chronologischer Stufen der Kupferzeit, Bronzezeit und älteren Eisenzeit // Jahrbücher des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt am Main. München, Beck: 7-18.
- Müller-Karpe H. 1975. Zu den Stufenbenennungen der vorgeschichtlichen Metalzeitalter // Germania 53 (1/ 2): 24-29.
- Narr K. J. (Hrsg.). 1957. Abriss der Urgeschichte. Bd. I. München.
- Narr K. J. (Hrsg.). 1966. Handbuch der Urgeschichte. Bd. I. Bern — München, Francke Verlag.
- Otto N. 1939. Typologische und technologische Bronzezeit // Forschungen und Fortschritte, 25: 75-76.
- Petersen C. J. 1938. Stenalder, Broncealder, Jernalder. Bidrag til nordisk Archaeologis Litteraturhistorie 1776 — 1865. København.
- Piggott S. 1954. The Neolithic cultures of the British Isles. Cambridge, Cambridge University Press.
- Piggott S. 1960. Approach to archaeology. London, Adam and Charles Black.
- Pittioni R. 1950. Historischer Ablauf und urgeschichtliche Terminologie // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Kl., 87: 57-70.
- Pittioni R. 1952. Vom geistigen Menschenbild der Urzeit. Wien.
- Randsborg C. 1968. Von Periode II zu III // Acta Archaeologica (Kopenhagen) 39.
- Rickard T. A. 1944. The nomenclature of archaeology // American Journal of Archaeology, XLVIII (1): 10-16.
- Rodden J. 1981. The development of the Three Age System: Archaeology's first paradigm // Daniel G. E. (ed.). Toward a history of archaeology. London, Thames and Hudson: 51-68.
- Ronen A. (ed.). 1982. The transition from Lower to Middle Palaeolithic and the origin of modern man. Oxford.
- Rowe J. H. 1962. Stages and periods in archaeological interpretation // Southwestern Journal of Anthropology, 18 (1): 40-54.
- Rowley-Conwy P. 1984. C. J. Thomsen and the Three Age System. A contemporary document // Antiquity 58 (223): 129-131.
- Saksida I. 1991. On the historical and structural meaning of the term «Mesolithic» // Journal of Theoretical Archaeology (Oxford) 2: 25-28.
- Schickler H. Aufnahme und Ablehnung der Metallurgie bei bronzezeitlichen Kulturen Europas // Germania, 46 (1): 11-19.
- Schlette F. 1971. Das Neolithikum als historische Erscheinung // Evolution und Revolution in Alten

- Orient und in Europa. Berlin, Akademie Verlag: 9-22.
- Schwantes G. 1925. Das Beil als Scheide zwischen Paläolithikum und Neolithikum // Archiv für Anthropologie, N. F., 20: 13-41.
- Seger H. 1930. Die Anfänge des Dreiperioden-Systems // Schumacher Festschrift. Mainz: 3-7.
- Selimchanow I. R. 1977. Zur Frage einer Kupfer-Arsen-Zeit // Germania 55: 1-6.
- Sherratt A. 1981. Plough and Pastoralism: aspects of the Secondary Products Revolution // Hodder I., Isaac G. and Hammond N. (eds.). Patterns of the past. Cambridge, Cambridge University Press.
- Sherratt A. 1983. The secondary exploitation of animals in the Old World // World Archaeology 15: 90-94.
- Sherratt A. 1996. Wool, wheels and ploughmarks: local developments or outside introductions in Neolithic Europe // Bulletin of the Institute of Archaeology (London) 23: 1-16.
- Smolla G. 1953. Gab es eine prälithische Periode in der Kulturgeschichte der Menschheit? // Tribus, 2/3: 75-103.
- Smolla G. 1960. Neolithische Kulturerscheinungen. Bonn.
- Stelmachowska B. 1925. System trzech epok w prehistorii polskiej. Poznań, Fischer i Majewski.
- Steward J. H. 1948. A functional-developmental classification of American high cultures // Bennet W. C. (ed.). A reappraisal of Peruvian archaeology (Memoirs of the Society for American Archaeology, 4). Menasha: 103-104.
- Strahm Ch. 1981. Die Bedeutung der Begriffe Kupferzeit und Bronzezeit // Slovenská Archeológia 29 (1): 191-202.
- Strahm Ch. 1982. Zu den Begriffen Chalkolithikum und Metallikum // Atti X Simp. Intern. Neol. Età Bronzo in Europa (Verona): 13-26.
- Thomas H. L. and Ehrlich R. W. 1969. Some problems in chronology // World Archaeology 1 (2): 143-156.
- Trigger B. G. 1989. A history of archaeological thought. Cambridge et al., Cambridge University Press.
- Weibull L. 1923. Det arkeologiska treperiodsystemet. Dess uppkomst och giltighet // Historisk Tidskrift för Skåneland (Lund), 5 (1914-23): 247-266.
- Westropp H. M. 1872. Pre-historic phases; or, introductory essays on pre-historic archaeology. London.
- Willey G. R., Phillips P. 1958. Method and theory in American archaeology. Chicago, University of Chicago Press.
- Zvelebil M. 1986. Mesolithic prelude and neolithic revolution // Zvelebil M. (ed.). Hunters in transition. Cambridge, Cambridge University Press: 5-15.